

СРАЖЕНИЯ ВОЙНЫ АЛОЙ И БЕЛОЙ РОЗЫ

Дома Йорков, Ланкастеров
и Тюдоров иесной 1464 года

Пробираясь сквозь заросший старый парк, молодой рыцарь услышал плеск воды в фонтане задолго до того, как увидел и мраморный бассейн, и блеск лунных лучей на почти неподвижной воде. Он рванулся было вперед, мечтая окунуть голову в воду и напиться ее живительной прохладой, как вдруг заметил в глубине темное движущееся пятно. От неожиданности рыцарь затаил дыхание. В глубокой чаше фонтана снова и снова мелькала зеленоватая тень, напоминающая то ли огромную рыбу, то ли утопленника. Затем тень распрямилась, поднялась во весь рост, и перед рыцарем предстала купальщица, пугающе прекрасная в своей наготе. По телу женщины струилась вода, кожа ее казалась белее даже белого мрамора чаши фонтана, а ее мокрые волосы были черны как ночь.

То явилась фея Мелюзина, водяное божество; ее часто можно встретить у источника в глубине леса, у озера или водопада в любой стране христианского мира, даже столь далекой, как Греция, а порой она купается в мавританских ручьях и фонтанах. Правда, в северных странах Мелюзина известна под другим именем; зимой на тамошних озерах трескается лед, когда она встает в полный рост. Мелюзину может полюбить смертный мужчина, но ему придется хранить ее тайну и время от времени позволять ей плавать в полном одиночестве. И Мелюзина будет любить своего избранника, но только до тех пор, пока

он не нарушит данного слова — а ведь мужчины часто так поступают. Если подобное случится, Мелюзина, взмахнув мощным рыбьим хвостом, увлечет предавшего ее возлюбленного на глубину и превратит его кровь в воду.

Суть трагической истории Мелюзины, на каком бы языке и под какую бы музыку ее ни исполняли, в том, что мужчина неизменно обещает женщине, которую и понять-то порой не в силах, гораздо больше, чем способен дать.

Весна 1464 года

Мой отец — сэр Ричард Вудвилл, барон Риверс, английский аристократ, землевладелец и сторонник законных правителей Англии, то есть Ланкастеров. Моя мать из рода герцогов Бургундских, в жилах которых, как известно, течет водянистая кровь богини Мелюзины, праматери этого знатного семейства, некогда вышедшей замуж за очарованного ею герцога. Мелюзину и теперь можно видеть над крышами замка в периоды особых бед и осложнений; она горестно выкрикивает предостережения, когда, к примеру, в семье умирает сын и наследник и род обречен на угасание. Во всяком случае, так утверждают те, кто верит в подобные вещи.

При почти полном противоречии характеров моих родителей — солидном, земном характере отца-англичанина и переменчивом, независимом характере матери-француженки, унаследованном ею от богини вод, — я, пожалуй, могла бы стать кем угодно: от опасной волшебницы до весьма заурядной особы. Кое-кто, правда, считает, что во мне прекрасно уживается и то и другое.

В тот день я с особой тщательностью расчесала и уложила свои густые волосы и спрятала их под самым высоким головным убором. Затем я взяла за руки двух своих сыновей-сирот и вышла на обочину дороги, ведущей в Нортгемптон, мечтая лишь об одном: быть совершенно неотразимой — я отдала бы за это все, что мне только сулила судьба.

Мне просто необходимо было привлечь внимание одного молодого человека, ехавшего на очередную битву, причем на

битву с поистине непобедимым врагом. Этот молодой человек, кстати, вполне мог меня и не заметить. На попрошайек он обычно внимания не обращал, к тому же в столь ответственный момент ему явно было не до легкомысленного флирта. Мне предстояло не только пробудить в нем сострадание к моему бедственному положению и насущным нуждам, но и остаться в его памяти, причем на такой срок, чтобы он успел хоть что-нибудь для меня сделать. А между тем этого молодого человека каждую ночь поджидали объятия множества прекрасных женщин, и на каждую дарованную им должность имелось не менее сотни претендентов.

Этот узурпатор и тиран являлся моим личным врагом и сыном моего врага, но в тот момент я совершенно об этом не думала и не собиралась хранить верность кому бы то ни было, кроме своих сыновей и самой себя. С этим человеком мой отец сражался под Таутоном¹, и ныне этот человек называл себя королем Англии, хотя по большому счету был всего лишь хвастливым мальчишкой. Впрочем, мой отец составил о нем несколько иное мнение. Отец вернулся из-под Таутона совершенно сломленным; никогда в жизни я не видела человека более удрученного; правый рукав его рубахи насквозь пропитался кровью, а лицо было белым как мел. Отец тогда сказал, что этот мальчишка оказался великим полководцем, что таких полководцев нам еще видеть не доводилось, а потому дело наше проиграно, и, если этот мальчишка останется жив, никакой надежды нет, ведь армия под его командованием положила под Таутоном тысяч двадцать. Никогда прежде Англия не знала столько павших в одном бою. По словам моего отца, это было даже не сражение, а настоящая жатва смерти. Во время битвы полегло множество

¹ Битва при Таутоне (1461) — самое кровопролитное сражение войны Алой и Белой розы, произошедшее близ Йорка. Закончилась сокрушительным поражением ланкастерцев. По свидетельствам хронистов, в ней участвовало более ста тысяч человек. После этой битвы Эдуард IV, коронованный в 1461 г., но некоторое время правивший страной одновременно с Генрихом VI, впервые почувствовал себя полноправным властелином, сумев также отомстить дому Ланкастеров за казнь своего отца Ричарда Йорка. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

родственников и сторонников Ланкастеров, а законный король Генрих VI и его супруга, королева Маргарита Анжуйская, потрясенные гибелью своего войска, бежали в Шотландию.

Но те из нас, их сторонников, кто еще оставался в Англии, сдаваться не собирались. Борьба продолжалась, сопротивление этому лжекоролю, этому мальчишке из династии Йорков, росло. Три года назад, когда погиб мой муж, командуя кавалерией во время сражения при Сент-Олбансе¹, я стала вдовой. А земли и состояние, которые, как я полагала, принадлежали мне по праву, отняла свекровь, причем с соизволения одного из победителей — человека, который управлял молодым Йорком и считался поистине великим кукловодом, настоящим «делателем королей». Да, это был он, Ричард Невилл, граф Уорик! Это он сделал королем никчемного двадцатидвухлетнего мальчишку, а для тех, кто по-прежнему защищал интересы дома Ланкастеров, он намеревался превратить Англию в настоящий ад.

Теперь в каждом знатном доме имелись свои йоркисты, и любое приносящее доход дело, любая должность или налог — всё находилось в их руках. На английском троне сидел их мальчишка-король, сделавший новыми придворными тех, кто его поддерживал. А мы, потерпев поражение, стали нищими у себя дома, чужими в родной стране, наш король оказался в изгнании, а королева, полная мстительных планов, вступила в союз с нашим старым врагом Францией и плела интриги. Нам же, оставшимся в Англии, приходилось как-то договариваться с этим молодым тираном, с этим отпрыском Йорков, и молиться, чтобы Господь обрушил на него свой праведный гнев, позволив нашему законному королю собрать армию, устремиться с ней на юг и нанести узурпатору последний и решающий удар.

Мне же, как и любой другой женщине, у которой погиб муж, а отец оказался среди побежденных и раненых, приходилось

¹ Имеется в виду сражение при Сент-Олбансе (1461), которое ланкастерцы во главе с королевой Маргаритой Анжуйской выиграли. Однако же было и еще одно сражение при Сент-Олбансе, в 1455 г., когда ланкастерцы проиграли; это сражение, как считается, и положило начало войне Алой и Белой розы; розы эти являлись соответственно символами династий Ланкастеров и Йорков.

прямо-таки по кусочкам, точно лоскутное одеяло, собирать свою жизнь. Необходимо было как-то отвоевать свое состояние, и ни соратники, ни друзья моего мужа никакой помощи оказать не могли. Все мы теперь считались предателями. Я отлично понимала: придется мне самой защищать себя, отстаивать свои права перед мальчишкой, который столь мало уважает правосудие, что осмелился пойти войной на собственного кузена, законного правителя страны, помазанного на царство. Разве можно что-то объяснить такому дикарю? Да и как добиться от него понимания?

Мои сыновья — Томас, которому уже исполнилось девять, и восьмилетний Ричард — были одеты в свои лучшие платья, их волосы я обильно смочила водой и тщательно пригладила, их лица, несколько раз вымытые с мылом, так и сияли чистотой. Я крепко держала сыновей за руки, стараясь никуда от себя не отпускать, поскольку они, как и всякие мальчишки, прямо-таки притягивали к себе грязь. Стоило мне отвлечься хоть на мгновение, с ними тут же происходили всевозможные неприятности: один начинал топтать башмаками по лужам, второй разбивал себе нос, или оба сразу ухитрялись посыпать себе головы трухой из опавших листьев и выпачкать физиономии. Томас к тому же вполне мог и в ручей упасть. Этого мне только не хватало! Я решила держать их при себе; от скуки они то и дело подпрыгивали на одной ноге. Постоять спокойно они могли лишь пару минут, после того как я в очередной раз говорила: «Тихо! По-моему, я слышу топот копыт».

Когда топот действительно раздался, мне сначала показалось, что это всего лишь стук дождевых капель. Но потом земля задрожала, точно от грома небесного, и грохот стал поистине оглушительным. Позвякивала сбруя, плескались и хлопали на ветру боевые знамена, бряцали оружие и доспехи, шумно дышали и фыркали лошади. Звуки, запахи, топот сотен лошадей, которых гнали быстрым аллюром, — все это попросту ошеломляло, и хотя я твердо решила, что вот сейчас выйду вперед и заставлю их всех остановиться, я ничего не могла с собой поделать и испуганно отшатнулась. Господи, подумала я, каково же

воинам на поле боя, когда прямо на них летит во весь опор такая вот конница с выставленными вперед копытами? Как может обычный человек противостоять натиску этой ожившей стены из конских копыт, оскаленных морд и оцетинившихся копий?

Томас, первым разглядев обнаженную белокурую голову в центре яростно наступавшего на нас войска, крикнул «Ура!» — так прореагировал бы любой мальчишка при виде столь могущественной кавалерии. Хозяин белокурой головы, услышав пронзительный возглас моего сына, обернулся и натянул поводья. Он увидел нас на обочине дороги и во все горло заорал: «Стой!» Его конь так резко затормозил, что не только встал на дыбы, но даже присел на задние ноги, стараясь не упасть. Вся великолепная кавалькада вдруг замерла, проклиная внезапную помеху. И сразу все смолкло, лишь пыль вилась клубами над дорогой и вокруг нас.

Конь белокурого всадника фыркал и тряс головой, но сам всадник в своем высоком седле сидел недвижно и смотрел на меня, а я — на него. Вокруг было так тихо, что я слышала, как в ветвях дуба у меня над головой щебечет дрозд. Ах, как он щебетал! Боже мой, его серебристый голос звучал, словно голос самой славы, победы и радости жизни! Никогда прежде я не замечала, что песнь этой птицы так напоминает гимн счастью!

Держа сыновей за руки, я сделала шаг вперед и уже открыла рот, собираясь молить за себя и своих мальчиков, но вдруг в самый решающий момент будто утратила дар речи. В том, что касается устных просьб, у меня имелось достаточно опыта. Я даже приготовила небольшой текст, но фразы отчего-то не шли с языка, голова была совершенно пустой, и казалось, что слова не нужны вовсе. Я просто глядела на мужчину и чувствовала, что он все-все понимает: и мой страх перед будущим; и мои надежды на сыновей, хотя у меня совершенно нет денег, чтобы эти надежды воплотить; и то, как невыносима мне жалость отца, из-за которой мне не под силу оставаться с ним под одним кровом; и то, как ночами мне холодно и одиноко в постели; и то, как страстно я мечтаю родить еще детей; и то, что я охвачена ужасным ощущением: моя жизнь кончена. Го-

сподь милосердный, думала я, мне ведь всего двадцать семь, но я лишилась в сражении мужа и оказалась в числе потерпевших сокрушительное поражение. Неужели и мне суждена участь одной из тех многочисленных и несчастных вдов, которым верная дорога до конца дней своих быть у кого-то приживалкой, греться у чужого очага и старательно изображать из себя добрую гостью? Неужели меня никто никогда не поцелует? Неужели я никогда больше не испытаю ни капли радости? Неужели не видеть мне счастья?

А птица в ветвях дуба все пела и пела, словно пытаюсь сказать, что радости и счастья совсем нетрудно добиться, если действительно этого желаешь.

Белокурый воин подал знак одному из соратников — мужчине чуть старше себя. Тот с готовностью исполнил приказание — обернувшись к войску, прорычал какую-то команду, и все всадники развернули коней и стали съезжать с дороги в тень, под деревья. А сам король — белокурый воин и был королем Эдуардом IV — спрыгнул со своего огромного жеребца и, бросив кому-то поводья, направился напрямик ко мне и моим сыновьям. Я всегда считала себя довольно высокой, но ему я оказалась по плечо; в нем наверняка было больше шести футов. Мальчишки мои задирали головы и вытягивали шеи, стараясь заглянуть в лицо королю; им он, наверное, казался настоящим великаном. Внешность у Эдуарда IV была на редкость приятной: светлые волосы, серые глаза, открытое загорелое лицо, обаятельная и весьма доброжелательная улыбка. Такого короля Англия еще не видела; про таких людей говорят, что в них нельзя не влюбиться. Смотрел он прямо на меня, словно я знала некую тайну, а ему страшно хотелось ее разгадать; и мне отчего-то казалось, что мы с ним давным-давно знакомы. Я чувствовала, как под его взглядом начинают гореть мои щеки, но глаз от него отвести не могла.

Скромной женщине в нашем мире при общении с мужчиной полагается разглядывать носки своих башмаков, а уж если она о чем-то просит, следует еще и низко поклониться, умоляющим жестом вытянув пред собой руку. Я же гордо вы-

прямилась и, ужасаясь самой себе, пялилась на короля, словно невежественная крестьянка! Но я действительно не могла оторваться от этих светлых глаз и улыбки. Король, обжигая меня взглядом, спросил:

— Кто ты?

— Ваша милость¹, это моя мать, леди Елизавета Грей, — вежливо ответил ему мой сын Томас, стаскивая с головы шапку и преклоняя перед королем колени.

Второй мой сын, Ричард, тоже опустился на колени и проворчал себе под нос:

— Кто это? Неужели король? Правда? Я таких высоких людей никогда в жизни не встречал!

Я села перед королем в глубоком реверансе, по-прежнему не отрывая от него глаз. Мало того, я смотрела на него таким откровенно горячим взглядом, какой женщина может дарить только обожаемому мужчине!

— Встань, — тихо, обращаясь только ко мне, сказал Эдуард. — Так ты, значит, вышла на дорогу, чтобы повидаться со мной?

— Мне нужна ваша помощь, — ответила я.

С огромным трудом я заставила себя произнести хотя бы эти несколько слов. Мне казалось, что не только на него, но и на меня подействовало то любовное зелье, которым моя мать пропитала шарф, ниспадавший с моего высокого головного убора.

— Я овдовела и теперь не могу получить обратно те земли, которые полагались мне в качестве приданого, но были у меня несправедливо отняты. Не могу я получить и вдовью часть своего наследства... — Я запнулась, заметив заинтересованную улыбку Эдуарда, и добавила: — Да, я теперь вдова. И мне совершенно не на что жить.

— Вдова?

— Мой муж, сэр Джон Грей, погиб при Сент-Олбансе, — сообщила я.

¹ В описываемый период подобное обращение к королю было вполне приемлемым и распространенным наряду с обращением «ваше величество», которое стало обязательным несколько позже.

Это было все равно что признаться Эдуарду в предательстве и навлечь его проклятие на моих сыновей. Разумеется, Эдуард прекрасно знал имя того, кто командовал вражеской кавалерией. Я закусила губу, но все же не отступилась и продолжила:

— Отец моих сыновей просто исполнял свой воинский долг, ваша милость; он всего лишь остался верен тому человеку, которого считал своим королем. И мои дети ни в чем не виноваты.

— То есть он оставил тебе этих двух мальчиков? — Король улыбнулся и сверху вниз посмотрел на моих сыновей.

— Да, ваше величество, — подтвердила я. — И они главное мое богатство. Этого зовут Ричард Грей, а этого — Томас Грей.

Эдуард кивнул. Мальчики глазели на него, как на чистопородного скакуна, слишком крупного, чтобы у них хватило смелости его приласкать, но вызывавшего восторг, смешанный со страхом. Король снова посмотрел на меня.

— Страшно хочется пить. Ваш дом, надеюсь, где-то неподалеку? — спросил он.

— Да, ваша милость. Для нас было бы большой честью...

Я бросила опасливый взгляд на сопровождавших его гвардейцев, которых было, пожалуй, не меньше сотни. Эдуард негромко рассмеялся.

— Мои люди могут продолжать путь, — пояснил он. Затем обратился к тому воину средних лет: — Ты, Гастингс, ступай с войском дальше, в Графтон, а я вскоре вас нагоню. Со мной могут остаться Смоллетт и Форбс. Буду примерно через час.

Сэр Уильям Гастингс изучал меня с таким видом, словно я — всего лишь хорошенькая ленточка в корзине бродячего торговца. Впрочем, я глаз не отвела и даже не моргнула, а глядела прямо на него, так что ему в итоге пришлось снять шляпу и поклониться. Затем он отсалютовал королю и отдал войску приказ трогаться.

— Куда же вы направитесь? — осведомился сэр Уильям у короля.

Тот, словно мальчишка, вопросительно на меня посмотрел, а я гордо произнесла:

— В дом моего отца, барона Риверса, сэра Ричарда Вудвилла!

Я прекрасно понимала, что королю известно это имя, поскольку мой отец занимал весьма высокое положение при дворе Ланкастеров, отважно за них сражался и однажды даже лично получил от Йорка тяжкое проклятие, когда кузены схватились за кинжалы и поранили друг друга, а отец вмешался и предотвратил дальнейшее кровопролитие. Вообще-то мы все довольно много знали друг о друге, однако стали понемногу забывать, что и Йорки, и Ланкастеры некогда были верны одному королю — Генриху VI — и лишь потом стали считать друг друга предателями.

Сэр Уильям, услышав, какое неожиданное место выбрал король для своего краткого отдыха, недоуменно поднял бровь.

— Сомневаюсь, Эдуард, что тебе захочется там особенно задерживаться, — неприязненным тоном проговорил он и тут же отъехал.

Конница двинулась дальше, они прошли мимо нас, и земля вновь задрожала от топота копыт. Наконец они скрылись из виду, оставив нас в тишине и клубах теплой оседающей пыли. Не выдержав, я запальчиво заявила:

— Между прочим, ваше величество, отец мой после Таутона получил ваше прощение! Ему даже титул восстановили!

— Я хорошо помню твоих родителей, и отца и мать, — спокойно сказал король. — Я их с детства знал и часто видел — как в добрые, так и в недобрые времена. Меня лишь одно удивляет: почему они не познакомили нас раньше?

Я с трудом сдержалась, чтобы не захихикать, как горничная. Всем в Англии было известно, что король Эдуард славится своим мастерством соблазнителя. Ни один родитель в здравом уме не допустил бы его знакомства со своей дочерью.

— Не желаете ли прогуляться пешком, ваша милость? — спросила я. — Наш дом совсем близко.

— Хотите прокатиться, мальчишки? — обратился Эдуард к моим сыновьям, и те дружно закивали, точно утята, требующие еды. — Забирайтесь-ка оба в седло. — Он посадил на коня

сначала Ричарда, затем Томаса. — Так, теперь держитесь крепче. Ты за брата, а ты — ты ведь Томас, верно? — за луку седла.

На одну руку Эдуард намотал поводья, а на вторую предложил опереться мне, и мы направились к нашему дому прямоком через тенистую рощу. Сквозь прорези на рукаве я чувствовала тепло короля и понимала, что не должна так склоняться, так лнуть к нему. Вскоре показался наш дом, и я заметила, что моя мать, скрытая средниками, выглядывает из окна своей комнаты. Ей не терпелось, чтобы все поскорее случилось.

Мать встретила нас на крыльце, рядом с ней топтался наш старший конюх. Мать склонилась в низком реверансе.

— Ах, ваша милость, как это приятно, что вы заглянули в наше графтонское поместье! — произнесла она непринужденно, словно король каждый день заходил к нам в гости.

Конюх тут же подбежал к жеребцу и принял у Эдуарда поводья, чтобы отвести коня на конюшню, однако мои мальчишки просто прилипли к седлу и отказывались слезать, желая проехать верхом еще хоть несколько ярдов. Мать между тем чуть отступила назад и с поклоном пригласила короля в дом.

— Не хотите ли выпить легкого эля? — предложила она. — Или, может, вина? У нас есть отличное вино — его прислали мои родственники из Бургундии.

— Благодарю вас, леди Риверс. Я предпочту эль, если не возражаете. — Эдуард мило улыбнулся. — Когда долго едешь верхом, всегда очень хочется пить. К тому же слишком жарко для весны.

Оказалось, что большой стол в парадном зале уже накрыт, и на нем стоят наши лучшие бокалы и кувшины с элем и вином.

— Вы ждете гостей? — поинтересовался молодой король.

Мать улыбнулась и, прямо глядя на него, ответила:

— Ни один мужчина на свете не смог бы проехать мимо моей дочери! Когда Елизавета сообщила, что намерена вас дожидаться и изложить вам свою просьбу, я тут же велела слугам принести из подвала бочонок лучшего эля. Я догадывалась, что вам захочется заглянуть к нам.

Эдуард засмеялся — таким гордым был голос матери — и повернулся ко мне.

— Действительно, мимо тебя разве что слепой проедет! — согласился он.

Я хотела что-то ответить, но тут история повторилась: наши глаза встретились, и я опять утратила дар речи. Я просто молча смотрела на Эдуарда, а он — на меня, пока моя мать не подала ему бокал.

— Доброго здоровья, ваша милость, — почти прошептала она.

Король встряхнул головой, точно очнувшись.

— А твой отец дома, миледи? — осведомился он.

— Сэр Ричард отправился повидаться с нашими соседями, — пояснила я. — Мы ждем его к обеду.

Мать, взяв со стола чистый бокал, долго разглядывала его на свет, потом недовольно поцокала языком, словно обнаружив на стекле какой-то недостаток, быстро извинилась и вышла из зала. Мы с королем остались вдвоем. Солнечные лучи потоком вливались в большое окно над парадным столом; весь дом был объят тишиной — казалось, все в нем, затаив дыхание, прислушиваются к тому, что происходит между мной и Эдуардом.

Король обошел стол и опустился на место, которое обычно занимает хозяин дома. Он жестом указал мне на стул рядом с ним.

— Прошу тебя, отдохни.

Я уселась по правую руку от Эдуарда, точно его королева, и позволила ему налить мне бокал легкого эля.

— Я непременно разберусь в твоих земельных претензиях, — пообещал король. — Но неужели ты так хочешь иметь собственный дом? Разве плохо тебе с матерью и отцом? Неужели ты здесь несчастлива?

— Родители очень добры ко мне, — признала я. — Но я привыкла сама вести хозяйство, всем распоряжаться и управлять собственными владениями. Кроме того, у моих сыновей не будет никакого наследства, если я не сумею вернуть те земли, которые достались мне по праву от их отца. Я должна защитить своих мальчиков!

— Да, времена были и впрямь тяжелые, — вздохнул король. — Если я смогу удержаться на троне, то непременно позабочусь о том, чтобы закон о землепользовании приняли по всей Англии от одного побережья до другого, и тогда твои дети вырастут без страха перед будущим и неизбежными войнами.

Я молча ему поклонилась.

— Так, значит, вы хранили верность королю Генриху? — уточнил Эдуард. — Все вы, и ты в том числе, являлись сторонниками дома Ланкастеров?

Что ж, невозможно было отрицать историю нашей семьи. Я прекрасно знала, что в Кале имела место жесточайшая ссора между этим молодым человеком, который тогда был всего лишь одним из юных отпрысков семейства Йорков, и моим отцом, который являлся одним из знатнейших ланкастерских лордов. Моя мать была первой дамой при дворе Маргариты Анжуйской, и, наверное, в те времена она десятки раз встречалась с этим красивым юношей и даже опекала его. Кто же мог тогда предположить, что мир перевернется вверх дном, что дочь барона Риверса будет вынуждена униженно просить этого юношу, ставшего королем, вернуть ей право на ее же собственные земли?

— Да, — подтвердила я, — мои родители действительно занимали довольно высокое положение при дворе короля Генриха, но теперь все мы, и они и я, безоговорочно приняли новую власть.

Эдуард улыбнулся.

— И это весьма разумно с вашей стороны, ведь я победил! Ладно, можешь считать, что я принял твою клятву верности.

Я не выдержала и хихикнула. Улыбка его мгновенно потеплела.

— Слава богу, все это скоро кончится, — заметил Эдуард. — Ведь у Генриха есть лишь несколько замков в Северной Англии, где, как известно, закон не писан. Он может, конечно, попытаться сколотить банду из тамошних головорезов — так, скорее всего, и поступил бы на его месте любой изгой, — но создать пристойную армию и повести ее за собой Генриху не

под силу. Да и королева Маргарита не может без конца воевать с собственным народом, поставляя на территорию Англии вражеских наемников. Разумеется, те, кто сейчас сражается на моей стороне, будут вознаграждены, но и мои противники поймут: одержав победу, я проявил справедливость. Я постараюсь править действительно справедливо, причем править всей страной, в том числе и северными областями, вплоть до границ с Шотландией, несмотря на выстроенные северянами крепости.

— Значит, теперь вы отправитесь на север? — спросила я, немного отпив из своего бокала.

Я сразу заметила некий привкус в лучшем эле своей матери и поняла, что мать — почти наверняка! — добавила в напиток несколько капель любовного зелья или какого-то волшебного средства, вызывающего чувственное томление. Впрочем, мне-то явно ничего не требовалось: я и так уже едва дышала от страсти.

— Нам нужен мир, — между тем продолжал король. — Мир с Францией, мир с шотландцами. Родственникам следует жить душа в душу и не ссориться друг с другом. Генрих должен признать свое поражение, а его жена — прекратить поставлять на нашу территорию французские войска, чтобы с их помощью биться с англичанами. С раздробленностью надо покончить! Нельзя без конца делить население страны на йоркистов и ланкастерцев: все мы должны стать просто англичанами, единой нацией. Ничто не способно сильнее ослабить государство, чем внутренние раздоры, когда одна часть народа борется с другой его частью. Такие войны не только разрушают семьи, они каждый день понемногу убивают всех нас. Этим распрям необходимо положить конец, что я и намерен сделать! Надеюсь, уже в этом году.

Услышав слова короля, я вновь испытала тот тошнотворный страх, который жители Англии испытывали на протяжении последних десяти месяцев.

— Значит, будет еще одно сражение?

Король улыбнулся.

— Будет, но я постараюсь, чтобы оно случилось как можно дальше от дверей твоего дома, моя госпожа. Однако сражения

не миновать, и оно должно произойти как можно скорее. Герцог Сомерсет получил мое прощение, я принял его в круг своих друзей, после чего он в очередной раз сбежал к Генриху. Такая же сума переметная, как и все ланкастерцы! И такой же ненадежный партнер, как все Бофоры¹. Да и семейство Перси² вновь поднимает против меня весь север. Они ненавидят Невиллов, тогда как Невиллы — мои надежнейшие союзники. Ситуация словно в танце: танцоры застыли на своих местах, но вскоре им предстоит очередная фигура и обмен партнерами. Нет, битва неизбежна, и они ее непременно получат.

— И сюда придет армия королевы?

Хотя моя мать, безусловно, любила королеву Маргариту и была первой дамой у нее при дворе, приходилось признать, что на тот момент армия Маргариты являла собой силу абсолютного террора. Ее войско состояло из наемников, которые плевать хотели на Англию: из французов, нас ненавидящих; из дикарей с далекого севера, которые мечтали всласть помародерствовать на наших плодородных полях и в процветающих городах. Однажды, например, Маргарита привела армию шотландцев, условившись, что платой им будет все то, что они сумеют наgrabить. С тем же успехом она могла бы нанять армию волков!

— Я остановлю ее, — уверенно заявил Эдуард, словно это было проще простого. — Я встречу ее на севере Англии и одержу победу.

— Как вы можете быть в этом уверены? — воскликнула я.

Улыбка молнией сверкнула на устах короля, у меня даже дыхание перехватило.

— Я ни разу не проиграл ни одного сражения, — спокойно ответил он. — И не проиграю! В бою я действую стремительно, я достаточно опытен и прекрасно обучен. Да к тому же я смел

¹ Джон Бофор, герцог Сомерсет, был отцом Маргариты Бофор, в дальнейшем не раз упоминаемой в этой книге, и внуком Джона Гонта, герцога Ланкастера, пришедшегося сыном королю Эдуарду III.

² Так называемое семейство Перси — это в том числе граф Нортумберленд и граф Уорчестер.

и удачлив. Моя армия способна передвигаться быстрее любой другой, я заставляю солдат делать быстрые броски в полном снаряжении. Предугадываю намерения своего врага и благодаря этому опережаю его. Сражений я не проигрываю. Мне везет и в любви, и на поле брани. В этих играх я не потерпел ни одного фиаско. Так что в войне с Маргаритой Анжуйской непременно возьму верх.

Я усмехнулась — до того самоуверенным выглядел Эдуард, — однако его горячие речи произвели на меня сильное впечатление, если честно, у меня от них даже голова закружилась.

Эдуард допил свой эль и встал из-за стола.

— Спасибо за гостеприимство, — сказал он.

— Как, вы уже уходите, ваша милость? — пробормотала я, нелепо запинаясь.

— Да, мне пора. А ты подробно изложи на бумаге суть своей просьбы, хорошо?

— Да, конечно, но...

— Имена, даты и тому подобное. Границы тех земельных владений, которые, по твоему разумению, являются твоей собственностью. И во всех подробностях опиши, как эта собственность стала твоей. Хорошо?

Я уже почти цеплялась за его рукав, точно нищенка, лишь бы он подольше побыл возле меня.

— Да, конечно, я все сделаю, но...

— В таком случае я вынужден попроситься.

Мне нечем было его удерживать, и я лишь втайне надеялась, что моя мать догадалась сделать что-нибудь, чтобы его конь, скажем, внезапно захромал.

— Да, ваша милость. Я так вам благодарна. Но мы были бы очень рады, если бы вы задержались еще ненадолго. Вскоре подадут обед, и мы... или...

— Нет, к сожалению, я должен идти. Мой друг Уильям Гастингс ждет меня.

— Конечно, конечно, ваша милость. У меня и в мыслях не было вмешиваться в ваши планы.

Я проводила Эдуарда до дверей. Его внезапный уход страшно меня огорчил, но я ровным счетом ничего не могла придумать, что бы заставило его остаться. На пороге он обернулся и взял меня за руку. Низко склонив светловолосую голову, Эдуард бережно перевернул мою руку ладонью вверх и прильнул к ней губами. Затем сжал мои пальцы, словно хотел, чтобы я навсегда сохранила его поцелуй, выпрямился и улыбнулся. От всего этого я окончательно растаяла; я уже понимала, что буду держать кулак плотно сжатым, пока не лягу в постель и не смогу прижать ладонь с его поцелуем к собственным губам.

Эдуард, глядя на меня сверху вниз, заметил и мое растерянное лицо, и мою ладонь, которая словно сама собой тянулась к его рукаву.

— Ладно, — вдруг смягчился он, — завтра я сам заеду и заберу ту бумагу, которую ты для меня подготовишь. Обязательно заеду, не сомневайся! Неужели ты думаешь, что может быть иначе? Неужели ты могла поверить, что я так просто уйду и больше сюда не вернусь? Разумеется, вернусь! Итак, завтра в полдень. Надеюсь, я тебя увижу?

Наверное, Эдуард услышал, как на миг остановилось мое дыхание. Вся кровь, казалось, бросилась мне в лицо, щеки так и пылали.

— Д-да... до з-з-завтра... — запинаясь, отозвалась я.

— Завтра в полдень. И я останусь на обед. Если можно, конечно.

— Для нас это большая честь, ваша милость.

Эдуард поклонился, повернулся и направился через зал к широко распахнутым двустворчатым дверям навстречу яркому солнечному свету, а я, заложив руки за спину, бессильно прислонилась к дверной створке. Честно говоря, ноги меня совсем не держали, колени были как ватные.

— Ну что, он ушел? — раздался голос матери, бесшумно появившейся из маленькой боковой двери.

— Завтра он снова придет, — произнесла я точно во сне. — Да, завтра в полдень. Он придет, чтобы повидаться со мной!

После захода солнца мои мальчики встали на колени в изголовье своих кроваток, склонили светловолосые головки к молитвенно стиснутым рукам, прочли вечерние молитвы и улеглись спать. А мы с матерью спустились по тропинке, бегущей от нашей парадной двери по склону холма, ступили на легкий деревянный мостик, перебрались на противоположный берег речки Тоув и нырнули под сень густых деревьев. Высокий, конической формы головной убор матери то и дело задевал за ветви, склонившиеся над рекой. Она молчала, лишь время от времени жестом приглашая меня следовать за ней, и наконец мы остановились у огромного старого ясеня. Мать приложила ладонь к мощному дереву, и я заметила, что ствол обвивает темная шелковая нить.

— Что это?

— Потяни за нее и начинай сматывать в клубок, — велела мать. — Приходи сюда каждый день и понемногу, примерно по футу, сматывай ее.

Я взялась за конец нити и тихонько потянула. Нить без труда поддавалась. Я почувствовала: к противоположному концу явно что-то привязано, что-то легкое и маленькое, но разглядеть не могла — нить уходила куда-то далеко в глубину реки, к противоположному берегу, в тростники.

— Опять колдовство какое-то, — почти равнодушно заметила я.

Мой отец запретил нам заниматься в доме подобными вещами, да и законы нашей страны строго карали за это. Все знали: если докажут, что ты ведьма, тебя неминуемо ждет смерть: тебя либо утопят, привязав к позорному стулу — так казнят женщин дурного поведения и торговцев-мошенников, — либо кузнец удавит тебя на перекрестке сельских дорог. Женщинам, знакомым с колдовством и магическим искусством, к которым принадлежала и моя мать, не разрешалось пользоваться своими умениями. И сами колдуньи, и их ремесло находились в Англии под строжайшим запретом.

— Да, колдовство, — преспокойно отозвалась мать. — И довольно действенное. Впрочем, цели оно преследует самые до-

брые, так что риск тут вполне оправдан. В общем, приходи сюда ежедневно да нитку сматывай — каждый раз примерно по футу.

— И что из этого выйдет? — поинтересовалась я. — Что там опущено в реку? Что за крупную рыбу я в итоге поймаю?

Мать улыбнулась и ласково погладила меня по щеке.

— А на том конце будет то, чего ты желаешь всем сердцем. Я ведь растила тебя не для того, чтобы ты стала бедной вдовой.

Мать повернулась и пошла назад через мостик, а я, руководствуясь словами матери, вытянула нить дюймов на двенадцать, смотала в клубочек и поспешила следом.

— Ну и для чего же ты меня растила? — нагнав ее, спросила я. — Кем я должна стать? Какую роль мне предстоит сыграть в твоём великом плане? В мире, охваченном войнами, где мы, несмотря на все твои пророчества и колдовство, будем, судя по всему, вечно оказываться среди проигравших.

Рука об руку мы неторопливо шли к дому. Выходила молодая луна, на небе виднелся тоненький светящийся серпик. Мы обе, не сговариваясь, тут же загадали желание, дружно поклонились луне, и я услышала звон монеток, которые мы обе по нескольку раз перевернули в карманах.

— Я растила тебя для самой лучшей доли, для самого высокого положения в обществе, какое только возможно, — наконец ответила мать. — Правда, я никогда не знала, какое именно будущее тебя ожидает, да и сейчас не знаю. Ты стала одинокой женщиной, тоскующей по мужу, которая все свои силы тратит на детей-сирот. И я твердо могу сказать: я не хочу, чтоб ты маялась одна в холодной постели и понапрасну растрчивала свою красоту!

— Ладно, аминь. — Я не сводила глаз с тоненького светлого серпика в небе. — Аминь, мама. И пусть эта новая луна подарит мне судьбу лучше прежней.

На следующий день, в полдень, я в простом повседневном платье сидела у себя в комнате, когда в дверь прямо-таки влетела страшно возбужденная служанка. Она сообщила, что к нашему дому скачет верхом сам король Англии. Я, однако, заставила себя проявить сдержанность: не бросилась к окну, пытаюсь еще

издали его увидеть, и не побежала в комнату матери — посмотреть в ее серебряное зеркало. Нет, я неторопливо отложила шитье и стала медленно спускаться по широкой деревянной лестнице, так что, когда двери распахнулись и Эдуард вошел в вестибюль, я все еще преспокойно сходила по ступеням и выглядела так, словно с трудом оторвалась от повседневных забот, чтобы встретить неожиданного гостя.

С улыбкой я подошла к Эдуарду, он учтиво поздоровался со мной и невинно поцеловал в щечку. Я успела ощутить тепло его кожи и заметить сквозь полуопущенные веки, какие мягкие у него волосы, как мило они завиваются в ямке под затылком. От его волос исходил какой-то слабый пряный аромат, а от кожи не пахло ничем, кроме чистоты. Стоило Эдуарду посмотреть на меня, и я сразу поняла: в этих глазах горит откровенное желание. Он медленно, с явной неохотой, выпустил мою руку, и я неторопливо, тоже нехотя, немного от него отступила. Затем сделала еще шаг и присела перед королем в глубоком реверансе, заметив, что к нам приближаются мой отец и два моих старших брата, Энтони и Джон. Все они так же церемонно склонили перед королем головы.

Разговор за обедом получился, разумеется, весьма скучным и высокопарным. Иного и ожидать было трудно. Моя семья с должным почтением относилась к новому королю Англии, но никто даже не пытался отрицать, что борьбе с ним мы посвятили свои жизни и свое состояние. Мой покойный муж — далеко не единственный в нашем обширном семействе, кто не вернулся домой с этой войны Роз¹. Впрочем, так и должно было быть, ведь в этой войне брат сражался с братом, и сыновья их, следуя примеру старших, также бились друг с другом не на жизнь, а на смерть. Отец мой, впрочем, впоследствии получил от короля

¹ В английском языке эта война носит название «война кузенов», поскольку все сражавшиеся в ней представители домов Йорков и Ланкастеров были родственниками, потомками короля Эдуарда III. Генрих VI и Эдуард IV были его праправнуками, как и упомянутая ранее Маргарита Бофор, мать будущего короля Генриха Тюдора. Генрих VI был правнуком Джона Гонта, герцога Ланкастерского, который приходился родным братом Эдмунду, герцогу Йоркскому, прадеду Эдуарда IV.

прощение, как и мои братья. И вот теперь король-победитель еще и милостиво преломлял с ними хлеб, словно желая забыть, как он торжествовал, одержав над войском противника победу при Кале, и как после битвы при Таутоне мой отец трусливо удирал от его армии по запятнанному кровью снегу.

Король Эдуард оказался чрезвычайно легок в общении. Он очаровательно любезничал с моей матерью и очень мило беседовал с моими старшими братьями — Энтони и Джоном, а затем и с младшими — Ричардом, Эдвардом и Лайонелом, — когда те чуть позже к нам присоединились. Три мои младших сестры также были за столом, они смотрели на короля широко раскрытыми, полными обожания глазами и боялись вымолвить хоть словечко. Моя невестка Елизавета, жена Энтони, старалась держаться поближе к моей матери, но выглядела очень спокойной и элегантной. Однако с особым почтением король отнесся к моему отцу. Эдуард все расспрашивал о том, много ли в наших лесах дичи, плодородны ли наши поля, какова цена на пшеницу и надежны ли работники. К тому времени, как подали десерт — варенье и засахаренные фрукты, — Эдуард уже весело болтал со всеми, словно являлся давним другом нашей семьи, и я смогла наконец спокойно сесть на свое место и наблюдать за ним.

— А теперь к делу, — обратился Эдуард к моему отцу. — Леди Елизавета рассказывала, что потеряла земли, составлявшие ее вдовью долю.

Отец кивнул и ответил:

— Мне, право, очень неловко тревожить вас по такому пустяку, мы пытались урезонить леди Феррерс и лорда Уорика, но безрезультатно. Видите ли, эти земли были конфискованы после... — Отец запнулся и откашлялся. — После сражения при Сент-Олбансе, когда, собственно, и убили мужа Елизаветы. И теперь она не может добиться возвращения законных владений. Даже если вы, ваше величество, и считаете ее мужа предателем, то уж она-то совершенно ни в чем не виновата. Во всяком случае, свою вдовью долю Елизавета должна получить.

Король повернулся ко мне.

— Вы вписали в документ свой титул и требование вернуть земли?

— Да, — отозвалась я, протягивая королю бумагу.

Он мельком на нее взглянул.

— Я поговорю с сэром Уильямом Гастингсом и велю ему обо всем позаботиться, — пообещал Эдуард. — Он будет вашим адвокатом.

Я сидела и думала, что все и впрямь легко и просто устроится. Одним ударом я не только избавлюсь от нужды, но и получу назад свою законную собственность, а мои сыновья — законное наследство; я больше не буду ощущать себя бременем в семье. А если кто-то вздумает просить моей руки, я окажусь достойной невестой с приданым, а не объектом для проявления милосердия и благотворительности. И мне не нужно будет испытывать благодарность к мужу только за то, что он пожелал взять меня, вдову-бесприданницу, в жены. Не нужно будет перед ним унижаться.

— О, сир, как вы милосердны! — воскликнул отец.

Он вздохнул с облегчением и кивнул мне.

Разумеется, я тут же послушно встала, склонилась перед королем в глубоком реверансе и пылко промолвила:

— Благодарю вас, ваша милость, это так много для меня значит!

— Я и впредь постараюсь править по справедливости, — заявил Эдуард, глядя на моего отца. — Мне бы очень не хотелось, чтобы кто-то из моих соотечественников пострадал из-за того, что английский трон теперь занят мной.

Отец с явным усилием заставил себя промолчать: я видела, как ему хотелось возразить, что многие из соотечественников короля уже и так достаточно пострадали.

— Еще вина? — мгновенно вмешалась моя мать. — Вам, ваша милость? Тебе, муж мой?

— Нет, — отказался король, — мне пора. Мы набираем и экипируем войско по всему Нортгемптону.

Он встал, резко оттолкнув стул, и все мы — мой отец, братья, мать, сестры и я — тут же вскочили, точно марионетки: раз король стоит, мы не можем сидеть.

— Не угодно ли вам, леди Елизавета, немного проводить меня и показать сад?

— Для меня это большая честь, ваше величество, — смиренно произнесла я.

Мой отец уже открыл рот, явно намереваясь предложить в сопровождающие себя, но мать его опередила.

— Да-да, пойди, Елизавета, прогуляйся, — сказала она.

И мы с Эдуардом моментально вышли из столовой.

Так приятно оказаться на солнце после затемненного зала. Было тепло, как летом. Король предложил мне опереться о его руку, мы неторопливо спустились по лестнице в сад и тут же молча сплели пальцы. Я выбрала тропинку, ведущую вокруг нашего небольшого, но весьма густого сада; мы шагали, любуясь аккуратно подстриженной зеленой изгородью и белыми камешками под ногами, хотя я, если честно, почти ничего перед собой не видела. Король все сильнее прижимал к себе мою руку, я чувствовала тепло его тела. По воздуху разлился аромат лаванды, которая начинала цвести; ее запах был одновременно и сладким, как у цветов померанца, и острым, как у лимона.

— У меня совсем мало времени, — сообщил Эдуард. — Сомерсет и Перси собирают против меня войска. Судя по всему, и сам Генрих намерен оставить наконец свой замок и возглавить армию, если, конечно, будет в здравом уме и сможет ею командовать. Бедняга. Говорят, что нынче он ведет себя вполне нормально, но ведь его рассудок может в любую минуту снова помрачиться. А Маргарита наверняка готовит высадку французской армии на побережье Англии, так что нам на своей родной земле еще и с французами воевать придется.

— Я стану за вас молиться! — горячо пообещала я.

— Смерть всегда ходит рядом, — серьезно и грустно заметил Эдуард. — Смерть — постоянная спутница любого правителя, который вынужден был добыть свою корону на поле брани, а после — вновь и вновь отправляться на битвы.

Король остановился, и я, разумеется, тоже. В саду было тихо, лишь какая-то птичка пела в густых ветвях деревьев. Лицо Эдуарда омрачилось.

— Могу ли я этой ночью послать своего мальчика-пажа, чтобы он проводил тебя ко мне? — вдруг тихо спросил он. — Я сгораю от страсти к вам, леди Елизавета Грей! Никогда еще я не желал так ни одну женщину! Ответь, ты придешь ко мне? Я обращаюсь к тебе не как король и даже не как воин, которому завтра предстоит смертельно опасное сражение, а как самый обычный мужчина, взывающий к прекрасной даме. К самой прекрасной из тех, кто встречался ему в жизни. Умоляю, не отказывай! Ведь это, возможно, мое последнее желание. Так ты придешь сегодня?

Я покачала головой.

— Простите, ваша милость, но я честная женщина.

— Возможно, я никогда больше не попрошу тебя об этом, Господь свидетель. Да и никакую другую женщину не попрошу. Так что ничего позорного в моем предложении нет. Вполне может статься, что через неделю я погибну.

— Даже если и так — все равно нет.

— Неужели ты не страдаешь от одиночества? — спросил Эдуард, почти касаясь губами моего лба. Он стоял так близко, что я ощущала на щеке его теплое дыхание. — Неужели я тебе совсем не мил? Только честно: ты совсем не хочешь меня? И не уступишь мне один лишь раз? Скажи прямо сейчас: неужели я настолько тебе безразличен?

Медленно, очень медленно, сдерживаясь изо всех сил, я позволила себе поднять голову и посмотреть в лицо Эдуарду, слегка задержавшись на его губах. А потом наши глаза встретились, и он выдохнул:

— Великий Боже! Я должен, должен обладать тобой!

— Я не могу быть вашей любовницей, — тихо возразила я. — Я лучше умру, чем обещаю свое имя и навлеку такой позор на всю свою семью. — Я помолчала. Мне совсем не хотелось его расхолаживать. — И совершенно не имеет значения, о чем я страстно в душе мечтаю.

— Но это значит, что ты хочешь того же, что и я? — пылко, как мальчишка, воскликнул Эдуард.

Я одарила его горячим мимолетным взглядом, позволив ему, впрочем, этот мой взгляд поймать.

— Ах, — обронила я, — мне не следует говорить вам...

Эдуард ждал продолжения, и я закончила:

— Вам лучше не знать, насколько сильно мое желание!

И я заметила — хотя король, разумеется, и пытался скрыть это, — что глаза его победоносно блеснули. Эдуард был уверен, что непременно меня получит.

— Значит, ты придешь?

— Нет.

— И что же, мне теперь уйти? Покинуть тебя? Но неужели нельзя хотя бы...

Эдуард прильнул ко мне щекой, и я потянулась ему навстречу. Его поцелуй на моих мягких податливых губах был легок и нежен, точно прикосновение птичьего перышка. Я чуть приоткрыла рот и сразу почувствовала, как король задрожал — точно конь в туго натянутых поводьях.

— Леди Елизавета... клянусь, что... я должен...

Тут я сделала шаг назад, завершая фигуру этого изысканного танца.

— Только в том случае... — ответила я и снова замолчала.

— Хорошо, я приду завтра! — сдался Эдуард. — Вечером. На закате. И ты будешь ждать меня там, где я впервые тебя увидел, хорошо? Под тем дубом. Ты ведь встретишь меня там? Хотелось бы с тобой попрощаться, прежде чем я отправлюсь на север. Мне нужно снова тебя увидеть, Елизавета. Даже если ничего больше не будет. Мне это необходимо!

Я молча кивнула, и Эдуард, решительно повернувшись на каблуках, размашисто зашагал к дому. Я наблюдала, как он огибает здание и направляется к конюшне; еще минута — и его конь с громовым топотом промчался по дороге, за ним скакали два паж, стараясь не отстать от короля и прищпоривая коней. Я смотрела вслед Эдуарду, пока он не скрылся из виду, затем спустилась по тропинке, перешла речку по маленькому мостику, отыскала на старом ясене нить и задумчиво за нее потянула. Отмерив сколько нужно, я смотала клубочек и вернулась домой.

На следующий день за обедом у нас состоялось нечто вроде семейного совета. Король прислал письмо, в котором сообщал, что его друг сэр Уильям Гастингс поддержит мои требования относительно дома и земель в Брэдгейте, так что я могу быть совершенно уверена: эту собственность мне возвратят. Отец был страшно доволен, а вот мои братья — Энтони, Джон, Ричард, Эдвард и Лайонел — дружно усомнились в искренности королевской помощи и со свойственной им юношеской пылкостью высказались относительно истинных намерений Эдуарда.

— Король же известный сердцеед! — заявил Джон. — Он обязательно станет искать встречи с Елизаветой! Вот увидите, он еще пригласит ее ко двору!

— Вряд ли он из чистого милосердия вернул нашей Елизавете дом и земли, — вторил ему Ричард. — Конечно же, он требует платы. Да при дворе не осталось ни одной женщины, с которой он не переспал! Почему бы ему и за нашей сестрицей не приударить?

— Тем более что она из лагеря Ланкастеров! — прибавил Эдвард, словно этого моего качества было достаточно, чтобы обеспечить нашу общую неприязнь к королю.

Лайонел энергично закивал, выражая свое полное согласие с мнением брата.

— Такому человеку трудно отказать, — задумчиво произнес мой старший брат Энтони, куда более искусный в жизни, чем Джон.

Энтони довелось немало постранствовать по свету, он объездил все христианские страны, учился у великих мыслителей, и даже отец с матерью всегда к нему прислушивались.

— Наверное, ты, Елизавета, — продолжал он, — уже чувствуешь себя несколько скомпрометированной. Мало того, боюсь, теперь ты решишь, что обязана ему.

Пожав плечами, я спокойно возразила:

— Все нет. Я всего лишь получила обратно то, что принадлежит мне по праву. Я просила короля о справедливости, и он проявил справедливость, как и следовало ожидать. Любой

должен в итоге обрести справедливость, если он взывает к ней и если закон на его стороне.

— И все-таки, вдруг Эдуард пошлет за тобой? Тогда ты к нему во дворец не поедешь! — отрезал отец. — Этот человек развлекался с половиной замужних женщин Лондона, но ему и этого мало, теперь он принялся за благородных дам из лагеря своих противников, ланкастерцев. Но куда ему до нашего святого, благословенного короля Генриха!

«Ну да, Эдуард, по крайней мере отнюдь не слабоумен, как наш святой, благословенный король Генрих!»¹ — подумала я, но вслух смиренно ответила:

— Разумеется, отец, как скажешь.

Отец внимательно глянул на меня, поскольку моя покорность, судя по всему, показалась ему подозрительной.

— Ты ведь не считаешь, что чем-то ему обязана? — уточнил отец. — Не считаешь, что должна отплатить за его благодеяние? Ну что ты улыбаешься? Неужели дела обстоят еще хуже, чем я думал?

Я снова пожала плечами.

— Я всего лишь искала у короля истинно королевской справедливости, а не благодеяния. Я не продажная девка, не служанка, которой хозяин может что-то приказать, и не крестьянка, обязанная хранить верность своему господину. Я принадлежу к достойному старинному роду. У меня свои собственные представления о верности и обязанностях, я их чту и всегда им следую. К королю они не имеют ни малейшего отношения. Никто из мужчин не может распоряжаться ни мною, ни моими убеждениями.

¹ Генрих VI с детства отличался некоторым слабоумием, даже порой безумием, которое, возможно, унаследовал от своего деда, Карла VI Валуа, и, хотя порой у него наступало просветление, все же к концу жизни он практически совсем утратил разум. Тем не менее церковные хронисты, писавшие о нем, сходились во мнении, что он обладал многими добродетелями, свойственными человеку святому и безгрешному. Например, очень заботился об образовании, основав знаменитые колледжи в Итоне и Кембридже, а также особое внимание уделял спасению душ своих подданных, что особенно нравилось церкви. Благочестие этого короля и послужило основанием для того, чтобы в народе его стали называть «святым». После смерти Генриха распространились слухи о чудесах, якобы происходящих на его могиле.

Мать быстро опустила голову, пытаясь скрыть улыбку. Она, уроженка Бургундии, правнучка богини вод Мелюзины, ни разу в жизни не чувствовала себя кому-то обязанной и вряд ли сочла бы, что ее дочь может быть кому-то за что-то обязанной.

Отец молча посмотрел на нее, потом на меня, словно уступая глубоко коренящейся в душах его жены и дочери независимости и властности. Затем он обратился к моему брату Джону:

— Я собираюсь прогуляться верхом в деревню Олд-Стрэтфорд. Не желаешь составить мне компанию?

Джон согласился, и они ушли. Все остальные тоже поднялись и занялись своими делами. Мы с Энтони остались вдвоем.

— Неужели ты действительно хочешь отправиться ко двору? Неужели ты настолько восхищена этим человеком, несмотря ни на что? — тихо спросил меня брат.

— Он король Англии, — напомнила я. — Разумеется, я подчинюсь, если он меня пригласит. А как же иначе?

— Но сделаешь это, скорее всего, лишь потому, что отец запретил тебе туда ехать, да и я посоветовал воздержаться от этого.

Я пожала плечами.

— Да, я прекрасно слышала ваши слова.

— Как же иначе может бедная вдова пробиться в этом скверном мире, верно? — поддразнил меня Энтони.

— Действительно, как?

— Ты поступишь как последняя дура, если так дешево продашь себя, — вдруг посерьезнев, заявил брат.

Я посмотрела на него из-под ресниц.

— Я вообще не собираюсь себя продавать. Я не кусок ленты. И не окорок. Я вообще не предназначена для продажи.

На закате я ждала Эдуарда под дубом, спрятавшись в густой зеленой тени. И с облегчением услышала на дороге топот копыт только одной лошади. Если бы он появился с охраной, я бы попросту бегом бросилась домой, поскольку подобная ситуация грозила бы моей безопасности. Каким бы нежным Эдуард ни казался в саду моего отца, я отнюдь не забыла, что его про-

возгласила королем армия йоркистов, воины которой запросто насиловали женщин и зверски убивали их мужей. Сердце этого короля сильно ожесточилось, ведь ему много раз приходилось видеть такие вещи, которые никому видеть не стоит; да и сам он, будучи воином, наверняка творил то, что является самым тяжким из всех грехов. И как бы ни замирало мое сердце при виде его улыбки, какими бы честными ни казались его глаза, как бы я ни убеждала себя, что это просто мальчишка, которого подтолкнуло к королевскому трону собственное честолюбие, довериться Эдуарду я все же не могла. Сейчас отнюдь не рыцарские времена, не те, когда рыцари, бродя по темному лесу, встречают на берегу озера, залитого лунным светом, прекрасную купальщицу и клянутся ей в вечной любви, которую после воспевают в балладах.

Но Эдуард действительно выглядел как рыцарь в темном лесу, когда, натянув поводья, остановил коня и легко спрыгнул на землю.

— Ты пришла! — удовлетворенно воскликнул он.

— Но я не смогу задержаться надолго.

— Я страшно рад тому, что ты здесь! — И Эдуард рассмеялся, но как-то растерянно, словно над самим собой. — Сегодня весь день я грезил о тебе, как мальчишка! И целую ночь не мог уснуть — все думал о тебе, пытался угадать, придешь ли ты, а ты взяла и пришла!

Он привязал поводья к ветке и обнял меня за талию.

— Ах, миледи, — прошептал он, склоняясь к моему уху, — будьте же ко мне добры и снисходительны! Не могли бы вы снять свой головной убор и распустить волосы?

Подобной просьбы я ожидала менее всего и была поражена тем, что мгновенно согласилась. Рука моя сама потянулась к лентам шляпы.

— Я знаю, знаю: ты просто свела меня с ума! Весь день я только и мечтал увидеть твои чудные волосы.

Я развязала туго затянутые ленты, сняла свой высокий остроконечный убор и аккуратно положила его на траву. Потом молча повернулась к королю, и он осторожно и ловко,

как заправская горничная, стал вытаскивать из моей прически шпильки и заколки из слоновой кости, засовывая их за отворот своего дублета. Вскоре густые светлые волосы шелковистым водопадом заструились у меня по спине, упали на лицо, и я, встряхнув головой, отбросила их назад, точно золотистую гриву. Из уст Эдуарда вырвался страстный стон, и он, мгновенно скинув с себя плащ, бросил его на землю к моим ногам.

— Сядь рядом! — приказал он, хотя явно хотел потребовать: «Ляг со мною!» — мы оба это понимали.

Я осторожно опустила на краешек плаща, подтянула к груди колени и обхватила их руками; мое прелестное шелковое платье раскинулось по траве красивыми складками. Эдуард гладил мои волосы, и я чувствовала, как его пальцы проникают сквозь пряди, касаются моей спины, шеи... Эдуард повернул меня к себе и поцеловал.

А потом так ловко и нежно уложил на плащ, что я мгновенно оказалась под ним, и его рука потянула вверх подол моего платья. Упершись ему в грудь ладонями, я мягко его оттолкнула.

— Елизавета! — умоляюще выдохнул Эдуард.

— Я же сказала: нет, — ровным тоном произнесла я. — И сказала не просто так.

— Но ты же пришла на свидание со мной!

— Вы просили меня об этом, ваше величество. Может, мне лучше уйти?

— Нет! Остайся! Не убегай! Клянусь, я больше не буду. Позволь мне только еще раз поцеловать тебя.

Сердце мое бешено забилося: я жаждала его прикосновений, его ласк! Мне даже подумалось: а почему бы не лечь с ним прямо сейчас? Пусть хоть раз, один лишь раз — но я позволю себе испытать это наслаждение, и я... вдруг резко отодвинулась от него со словами:

— Нет, нет, нет!

— Да, — возразил Эдуард куда более властно, чем прежде. — Клянусь, я не причиню тебе ни боли, ни вреда. Ты заживешь при дворе. И все, что ни захочешь, будет исполнено. Боже мой,

Елизавета, позволь мне обладать тобою! Я страстно, отчаянно желаю тебя. С первой же минуты, как я тебя увидел...

Эдуард налег на меня всем своим телом, он подминал меня под себя. Я отвернула лицо, но ощущала его страстные поцелуи у себя на шее, на груди... Я и сама задыхалась от страсти, и тут вдруг, совершенно неожиданно, меня охватил гнев: я поняла, что он не просто обнимает меня, а пытается насиловать, прижав к земле, словно девку на стог сена. Эдуард так бесстыдно задрал мне подол, точно я — уличная шлюха! Он с такой настойчивостью протиснул колено между моими скрещенными ногами, словно я уже на все согласилась! Мой бешеный нрав придал мне сил, и я, грубо оттолкнув его, нащупала у него на толстом кожаном ремне ножны кинжала.

Казалось, Эдуард ничего не заметил. Теперь он возился с застезжкой своего дублета и прочей сбруей; еще мгновение — и сожалеть было бы слишком поздно. Я выхватила кинжал из ножен, и король, услышав шелест металла, в полном изумлении откинулся назад. Он даже на колени привстал. Эдуард был явно потрясен. А я, моментально вывернувшись из-под него, вскочила, сжимая в руке обнаженный клинок, лезвие которого ярко и недобро сверкало в последних лучах заходящего солнца.

Эдуард тоже поднялся и стоял напротив меня, расставив ноги и чуть покачиваясь, как настоящий боец.

— Неужели ты поднимешь руку на своего короля? — В его голосе было презрение. — Ты понимаешь, что это государственная измена, госпожа моя?

— Я нанесу удар не вам, а себе! — Я быстро приставила к своему горлу острие кинжала, заметив, что Эдуард настороженно прищурился. — Клянусь, если вы сделаете еще хоть шаг, если вы хоть на один дюйм ко мне приблизитесь, я перережу себе горло и у вас на глазах истеку кровью — прямо здесь, на этом самом месте, где вы собирались меня обесчестить.

— Притворство!

— Нет, ваша милость. Для меня это отнюдь не игра и не притворство. Я не могу быть вашей любовницей. Сначала я пришла к вам в поисках справедливости, затем — сегодня — в по-

исках любви. Но боже мой, какая глупость с моей стороны! Простите меня за проявленное безумие. Правда то, что и я не могу спать, не могу думать ни о чем, кроме вас, я тоже день и ночь гадала, придете вы или нет! И все равно... все равно... вам не следовало...

— Я могу в одну секунду отнять у тебя этот нож, — пригрозил мне Эдуард.

— Вы забываете, ваше величество, что у меня пятеро братьев. Так что мечи и кинжалы — мои игрушки с раннего детства. И я действительно успею перерезать себе горло, прежде чем вы хотя бы дотронетесь до меня.

— Ты никогда этого не сделаешь! Ты же всего лишь женщина! Значит, и мужества у тебя не больше, чем у любой другой женщины.

— А вы меня испытайте. Испытайте. Откуда вам знать, сколько во мне мужества? Впрочем, потом вы, возможно, об этом пожалеете.

Еще мгновение Эдуард колебался. Я слышала, что сердце его стучит как молот под воздействием столь опасной смеси: бешеного нрава и сладострастия. Но он взял себя в руки и жестом показал, что сдается. Он даже отступил от меня на шаг.

— Ладно, миледи, вы победили! — заявил Эдуард. — Можете оставить себе этот кинжал как трофей. Вот, возьмите заодно и это. — Отстегнув от пояса ножны, он бросил их на землю. — Эти распроклятые ножны ваши, ну же, берите!

Лучи заходящего солнца поблескивали на драгоценных камнях и золотой эмали ножен, и я, не сводя с короля глаз, опустилась на колени и подняла их.

— Сейчас я провожу тебя домой, — продолжал Эдуард. — Не беспокойся, я доставлю тебя к самому порогу.

Я покачала головой.

— Нет. Нельзя допустить, чтобы нас увидели вместе. Никто не должен знать, что мы встречались. Иначе я буду опозорена.

Мне показалось, что Эдуард станет возражать, спорить, но он покорно склонил голову.

— В таком случае, — ответил он, — иди вперед, а я последую за тобой на некотором расстоянии, точно паж или слуга, пока не удостоверюсь, что ты благополучно добралась до дверей своего дома. Можешь праздновать победу: ведь ты заставила меня служить тебе, подобно верному псу. Раз уж вы, сударыня, изволите обращаться со мной как с шутком, я и вести себя буду как шут, а вы можете этим развлекаться, если угодно.

Я поняла, что никакими словами его гнев не унять, и просто кивнула в знак согласия, а потом решительно двинулась к дому. Эдуард шагал чуть позади, как и обещал. Мы оба молчали, и я слышала за спиной шелест его плаща. Когда мы выбрались из рощи и нас уже можно было увидеть из окон дома, я остановилась и повернулась к королю.

— Дальше я пойду одна, это совершенно безопасно, — заверила я. — Но прежде я должна попросить у вас прощения за мой безумный поступок.

— А я должен попросить у вас прощения, миледи, за совершенное мною насилие, — отозвался Эдуард, явно испытывая неловкость. — Видимо, я слишком привык, что все всегда по моему. Хотя, если честно, мне еще никто никогда не отказывал, угрожая ножом! К тому же моим собственным!

Я протянула Эдуарду кинжал рукоятью вперед.

— Может, возьмете его назад, ваша милость?

Он покачал головой.

— Нет, оставь себе на память. Пусть это будет мой единственный подарок тебе. Прощальный подарок.

— Неужели я никогда вас больше не увижу?

— Никогда, — коротко подтвердил Эдуард, слегка поклонился и тут же пошел прочь.

— Ваша милость! — окликнула я.

Эдуард обернулся. Остановился.

— Мне бы не хотелось, чтоб мы расстались врагами, — продолжила я. — Надеюсь, вы все же сможете меня простить.

— Ты выставила меня полным идиотом. — Тон у Эдуарда был ледяной. — Что ж, можешь себя поздравить: ты первая

из женщин, кому это удалось. Но ты же станешь и последней. И ты никогда больше не посмеешь сделать из меня шута!

Я склонилась в глубоком реверансе и, не поднимая головы, слышала, как удаляется Эдуард, шурша плащом по кустам, росшим вдоль тропы. Я выждала, когда его шаги совсем стихнут, потом выпрямилась и направилась к дому.

На самом деле мне, совсем еще молодой женщине, каковой я тогда являлась, больше всего хотелось вбежать в дом, броситься на свою постель и плакать, плакать, пока не сморит усталость или сон. Однако я этого не сделала. Тут я ни капли не походила на своих сестер, которым ничего не стоило засмеяться или зарыдать. С моими сестрами вечно что-то приключалось, и они страшно долго потом переживали. Но я всегда считала себя кем-то более значительным, чем просто глупой девчонкой. Я чувствовала себя истинной дочерью богини вод Мелюзины. Вершительницей судеб, женщиной, в чьих жилах течет не просто кровь, но вода, заряженная могуществом непростых предков. И уж побежденной я себя точно не считала. Разве мог победить меня какой-то мальчишка, даже если на голове у него красуется только что завоеванная корона? Да ни один мужчина не в силах уйти от меня в полной уверенности, что никогда не вернется!

В общем, сразу домой я не пошла, а спустилась по знакомой тропинке через мостик на тот берег реки, к старому ясеню, ствол которого моя мать обвязала магической нитью. Я вытянула еще часть нити, крепко завязала ее петлей и лишь после этого неспешно двинулась к дому, размышляя о событиях минувшего дня при свете тонкого месяца.

А потом я ждала. И каждый вечер из тех двадцати двух вечеров ходила к реке и тянула за волшебную нить, точно терпеливая рыбачка. И наконец почувствовала, что нить натянулась до предела, как леса, зацепившаяся за корягу. Понимая, что она легко может и оборваться, я стала очень осторожно, потихоньку вытягивать ее, как рыболов — пойманную рыбу, и вдруг натяжение ослабло. Послышался легкий всплеск, как если бы

что-то маленькое, но тяжелое сорвалось «с крючка», ушло на глубину и там, повернувшись против течения, залегло на дне среди камней.

Что мне было делать? Мать ждала меня на берегу нашего рыбного пруда, любуясь собственным отражением в неподвижной воде, которое в сером сумеречном свете напоминало длинную серебристую рыбину, покрытую сверкающей чешуей, или обнаженную купальщицу. По небу плыли фантастические облака — словно белые перья на бледном шелку. Вставала луна, теперь уже убывающая. Воды в пруду было много, волны нежно лизали маленький причал. Когда я остановилась рядом с матерью и тоже посмотрела на собственное отражение, у меня возникло ощущение, будто мы обе поднимаемся из этих вод, словно духи озера.

— Ты каждый вечер тянешь за нить? — спросила мать.

— Да.

— Хорошо. Это очень хорошо. Он уже прислал тебе на память какой-нибудь подарок? Или хоть слово привета?

— Я ничего не жду. Он сказал, что мы больше никогда не увидимся.

— Ну что ж... — вздохнула мать.

И мы медленно пошли к дому.

— Вроде как Эдуард собирает войска в Нортгемптоне, — общила мать. — А король Генрих находится в Нортгумберленде и намерен вскоре двинуться на юг, прямиком на Лондон. К нему должна присоединиться королева, она высадится со своей французской армией в Халле. Если победу одержит Генрих, будет совершенно неважно, что именно сейчас делает или думает Эдуард, поскольку к тому времени он наверняка будет убит и на трон вернется наш законный правитель.

Моя рука невольно схватилась за рукав матери, словно мне хотелось воспрепятствовать такому исходу, и мать мгновенно, точно нападающая змея, стиснула мои пальцы и спросила:

— В чем дело? Неужели ты даже слышать не можешь о том, что он рискует проиграть в битве?

— Не говори так! Не говори!

— Не говорить чего?

— Да, это правда! Мне невыносима сама мысль о том, что Эдуард может потерпеть поражение, что он может погибнуть! Он просил меня разделить с ним ложе — как солдат, которому предстоит встреча со смертью.

Меня резанул смех матери.

— Ну конечно просил! Кто из мужчин, отправляющихся на войну, способен противиться подобному соблазну? Каждому хочется использовать столь заманчивую возможность!

— Вот как? А я ему отказала. И буду жалеть об этом всю оставшуюся жизнь, если он не вернется. Я и сейчас уже об этом жалею.

— О чем же тут жалеть? — Матери явно нравилось меня дразнить. — Ты ведь в любом случае получишь свои земли обратно. Либо по приказу короля Эдуарда, либо, если он погибнет, по приказу короля Генриха, который, вернув себе трон, вернет тебе и твои владения. Ведь он наш законный правитель из славной династии Ланкастеров. По-моему, нам стоит пожелать ему победы, а этому узурпатору Эдуарду — смерти.

— Не говори так! — повторила я. — Не желай Эдуарду зла!

— А ты не обращай внимания на мои речи, — вдруг довольно резко произнесла мать, — лучше остановись и поразмысли хорошенько! Ты ведь и сама принадлежишь к дому Ланкастеров. Тебе не следует просто так влюбляться в одного из наследников дома Йорков; это возможно только в том случае, если он действительно одержит победу и станет королем. Вот тогда в этой любви и для тебя появится определенная выгода. Сейчас наступили трудные времена, и нам, увы, в эти времена жить. Смерть стала нашей вечной спутницей, почти что родственницей, и не думай, что тебе удастся удержать ее на расстоянии вытянутой руки. Ты вскоре поймешь, что смерть сама ищет твоего общества. Она уже отняла у тебя мужа и — слушай меня внимательно! — вскоре отнимет у тебя и отца, и братьев, и сыновей.

— Тише, тише, мама! — воскликнула я. — Ты вещаешь, словно Мелюзина, предупреждающая свой дом о гибели всех его обитателей.

— Я действительно предупреждаю тебя, — с мрачным видом подтвердила мать. — Ты сама виновата, что мне приходится превращаться в Мелюзину, но я не могу спокойно видеть, как ты, улыбаясь, гуляешь и флиртуешь с узурпатором, словно жизнь по-прежнему легка и прекрасна. Ты родилась, увы, не в самое спокойное время. И всю свою жизнь проживешь в раздираемой междоусобицами стране. И путь тебе придется прокладывать сквозь кровь и бесчисленные утраты.

— Значит, впереди у меня нет ничего хорошего? — Я чуть не скрипнула зубами с досады. — Неужели ты, любящая мать, не можешь найти для своей родной дочери ни одного доброго слова о будущем? Право, мама, не стоит так уж ругать и поносить меня, я и без того уже готова расплакаться.

Она остановилась, и жестокая маска прорицательницы исчезла с ее лица, сменившись доброй, теплой материнской улыбкой, которую я так любила.

— Мне кажется, Эдуарда ты вскоре получишь, раз уж тебе так этого хочется, — предположила мать.

— Очень хочется! Больше жизни!

Она добродушно засмеялась, по-прежнему ласково на меня глядя.

— Ах, детка, не будь так уверена! В мире нет ничего дороже и важнее жизни. У тебя впереди еще много лет, и тебе предстоит получить немало уроков, если ты сама этого не понимаешь.

Я лишь молча пожала плечами, взяла мать под руку, и мы снова зашагали к дому.

— Когда сражение закончится — кто бы в нем ни победил, — мы отошлем твоих сестер ко двору, — рассуждала мать; она всегда все планировала заранее. — Они могут остановиться у Бушеров или у Вонов. Им следовало уехать еще несколько месяцев назад, но мне и подумать было страшно, что девочки окажутся так далеко от дома, когда вся страна поставлена на дыбы, когда никто не знает, что может случиться завтра, когда неизвестно, получишь ли ты от своих детей весточку. Но надеюсь, что после этого сражения жизнь наладится, даже если править будет Йорк, а не Ланкастер, и девочки смогут наконец

отправиться к нашим родственникам и приобрести при дворе необходимые знания и умения.

— Да, я думаю, ты права.

— И твой Томас, кстати, тоже вскоре достаточно подрастет и сможет покинуть родное гнездо и пожить у родственников в столице, чтобы получить хорошее воспитание и...

— Нет! — ответила я с таким неожиданным напором, что мать удивленно на меня взглянула.

— В чем дело?

— Своих сыновей я оставлю при себе, — отчеканила я. — Моих мальчиков никто у меня не отнимет.

— Но ведь должны же они иметь соответствующие манеры и образование; а для этого им необходимо пройти службу при дворе знатного лорда. Ничего, твой отец подыщет подходящего человека, да и крестные отцы мальчиков...

— Нет, — прервала ее. — Нет, мама. Я не стану даже рассматривать подобную возможность. Мои сыновья никуда не поедут!

— Что с тобой, детка? — Мать развернула меня так, что лунный свет падал мне прямо в лицо, и внимательно на меня посмотрела. — На тебя это не похоже — из-за пустяка вдруг так упрямиться. И потом, всем женщинам в мире приходится отпускать от себя сыновей, чтобы они учились быть мужчинами.

— Моих мальчиков никто у меня не отнимет! — повторила я, чувствуя, как дрожит голос. — Я боюсь... Мне страшно... страшно за них! Я и сама не понимаю, чего я так опасаясь. Но я не допущу, чтобы мои мальчики росли среди чужих людей.

Теплая рука матери обвила мою талию.

— Ну, это вполне естественно, — заметила она. — Ты потеряла мужа и, разумеется, хочешь безопасности для своих детей. Но ты же должна осознавать, что когда-нибудь им все равно придется уйти.

Но я не поддавалась нежному давлению матери.

— Это не просто каприз, мама, — заявила я. — Это чувство гораздо глубже...

— Так, может, это предвидение? — вдруг очень тихо спросила мать. — Возможно, ты просто знаешь, что их ждет в будущем? Неужели у тебя открылся дар предвидения, Елизавета?

Я покачала головой, и слезы потекли у меня по щекам.

— Не знаю я, не знаю! Просто при мысли о том, что они от меня уедут, что о них станут заботиться посторонние люди, а я буду просыпаться по ночам и ощущать, что их нет в родном доме, а по утрам не буду слышать их голосов... Стоит мне представить эту картину: как в чужом доме им прислуживают чужие люди, и они не имеют возможности повидаться со мной... Нет, это совершенно невыносимо! Я не переживу разлуки с ними!

Мать крепко обхватила меня руками и прижала к себе.

— Тихо, тихо, детка, успокойся, — велела она. — Не надо думать об этом. Я поговорю с твоим отцом. И мальчики никуда не поедут, пока ты не будешь к этому готова и сама с радостью их не отпустишь. — Мать взяла меня за руку и с удивлением воскликнула: — Холодна как лед! — И она вдруг с какой-то странной уверенностью принялась ощупывать мое лицо. — Нет, это, разумеется, совсем не каприз! Раз тебе при свете луны становится то холодно, то жарко... Нет, дорогая моя, это самое настоящее предвидение! Судьба предупреждает тебя об опасности, и эта опасность грозит твоим сыновьям.

Я покачала головой.

— Я в этом совсем не уверена. Зато я совершенно уверена, что никто не должен отнять у меня моих мальчиков. И поэтому мне нельзя отпускать их от себя.

Мать кивнула.

— Да, ты меня полностью убедила. У тебя явно было видение, и я верю, что твоих сыновей нельзя от тебя забирать. Значит, быть по-твоему. Не плачь. Мальчики останутся при тебе, и мы все позаботимся, чтобы им ничего не угрожало.

А потом я снова ждала. Эдуард дал мне понять, что я никогда больше его не увижу, так что я прекрасно понимала тщетность своих надежд, но ничего не могла с собой поделать. Просто ждала, и все. Эдуард снился мне; это были сны, полные

страсти и тоски, и я пробуждалась среди ночи, в темноте, на скомканных простынях, вся в поту от неутоленного желания. За столом отец все спрашивал, почему я ничего не ем, а Энтони лишь с печальной улыбкой качал головой.

Зато мать, искоса поглядывая на меня своими ясными глазами, тут же старалась мне помочь.

— Она совершенно здорова. Ну, нет аппетита, значит, потом подкрепится.

Мои сестры шепотом интересовались, что со мной, уж не сохну ли я по тому красавцу королю, и я отвечала им довольно резко:

— Да какой в этом смысл?

А сама ждала.

И еще семь дней и семь ночей, как царевна из волшебной сказки, запертая в башне; как Мелюзина, которая, купаясь в лесных источниках, все поджидает, когда по потаенным тропам проедет какой-нибудь рыцарь, увидит ее и полюбит. Каждый вечер я ходила к тому ясеню, вытягивала нить, сматывала ее и завязывала узлом. Вдруг на восьмой день я услышала звон металла о камень. Наклонившись над рекой, я увидела под водой проблеск золота, дернула за нить и вытащила... кольцо. Золотое кольцо, довольно простое, но очень милое. Одна сторона гладкая, а вторая украшена гравировкой в виде зубцов крошечной короны. Я положила колечко на ту ладонь, которую Эдуард поцеловал когда-то, и внимательно рассмотрела украшение. Оно и впрямь напоминало маленькую королевскую корону. Я надела кольцо на безымянный палец правой руки — не желая искушать судьбу, я не посмела надеть его на левую руку, как обручальное, — и оно оказалось мне точно впору и очень мне шло. Пожав плечами, я сняла кольцо и небрежно сунула в карман, словно оно и не было изготовлено бургундскими ювелирами из золота высшей пробы. Затем я пошла домой, крепко сжимая находку рукой.

Я увидела, что у нашего крыльца стоит лошадь, в седле сидит всадник, над головой которого вьется на ветру боевое знамя, украшенное белой розой Йорков, а мой отец, остановив-

шись на пороге, читает какое-то письмо. Потом отец обратился к гонцу:

— Передай его величеству, что это большая честь для меня и послезавтра я непременно все устрою.

Человек в седле поклонился, мимоходом отсалютовал отцу и мне, пришпорил коня и ускакал.

— Что случилось? — осведомилась я, поднимаясь на крыльцо.

— Объявлен военный призыв, — с мрачным видом сообщил отец. — Мы все снова отправляемся на войну.

— Только не ты! — в страхе воскликнула я. — Только не ты, отец! Я тебя ни за что не отпущу!

— Не волнуйся, я не иду. Но король приказал мне представить десять воинов из Графтона и пять из Стоуни-Стрэтфорда. Полностью экипированных и готовых воевать с армией короля Ланкастеров под его командованием. Так что нам придется стать перебежчиками. Слишком дорого, как оказалось, обошелся нам обед, которым мы угощали Эдуарда!

— И кто же возглавит твой отряд? — Я ужасно боялась, что отец назовет кого-то из моих братьев. — Не Энтони? Не Джон?

— Им обоим предстоит служить под командованием сэра Уильяма Гастинга, — ответил отец. — Он присоединит их к более опытному и подготовленному войску.

Я помолчала, потом все же спросила:

— А больше гонец ничего не говорил?

— Это военные сборы, — раздраженно заметил отец, — а не приглашение на праздничный завтрак в честь Майского дня¹. Он сказал лишь, что послезавтра утром армия Эдуарда пройдет мимо нас, так что мои люди должны быть готовы к ней присоединиться.

Отец резко развернулся на каблуках и скрылся в доме, а я так и осталась стоять на крыльце, сжимая в кармане колющее золотое колечко, напоминающее королевскую корону.

¹ М а й с к и й д е н ь — народный праздник, который отмечается в первое воскресенье мая танцами вокруг майского дерева и коронованием королевы мая.

За завтраком мать предложила мне, моим сестрам и двум нашим кузинам, гостившим у нас, посмотреть на проходящую мимо армию и проводить на войну наших воинов.

— Зачем это им? — сердито возразил отец. — По-моему, они и так уже видели достаточно воинов, отправляющихся на войну.

— Хорошо бы все-таки выразить нашим войскам поддержку, — настаивала мать. — Если Эдуард победит, то пусть лучше думает, что мы охотно послали своих людей в его армию. А если проиграет, никто и не вспомнит, что все мы вышли поглядеть, как он проезжает мимо, да ведь можно и отмахнуться, что ничего подобного не было.

— Однако мне все же придется оплатить их экипировку! И вооружить их за свой счет, выдав им то самое оружие, которым я в последний раз воевал как раз против него, Эдуарда! То есть если я собираю людей, отправляю их воевать за Эдуарда и даже покупаю сапоги тем, у кого их нет, — значит, я в любом случае выражаю нынешнему королю свою поддержку. Так или не так?

— Так. И ты должен сделать это в высшей степени охотно и любезно, — заявила мать.

Отец кивнул. В таких вопросах он всегда слушался мою маму и уступал ей. Ведь она была герцогиней, у ее первого мужа, герцога Бедфорда¹, мой отец в свое время служил всего лишь оруженосцем. Мать также была дочерью графа Сен-Поля², принадлежавшего к бургундской королевской семье. Мало того, будучи первой дамой при дворе Маргариты Анжуйской, мать не знала себе равных в придворных интригах.

— Кстати, муж мой, хорошо бы и тебе пойти с нами, — продолжала мать. — И найти в нашей сокровищнице кошелек золота в подарок его милости Эдуарду Четвертому.

¹ Герцог Бедфорд, брат Генриха V и дядя Генриха VI, был регентом Франции и устроителем срочной коронации своего племянника в качестве французского монарха в декабре 1431 г. в парижском соборе Нотр-Дам; впрочем, уже в январе 1432 г. Генриху пришлось навсегда покинуть Францию.

² Граф Сен-Поль был коннетаблем герцогства Бургундия.

— Кошелек золота! Целый кошелек золота! Чтобы оплатить сражение против законного правителя Англии? Неужели мы окончательно переметнулись на сторону Йорков?

Мать выждала, когда гнев отца утихнет, и пояснила:

— Нам, право, стоит продемонстрировать Эдуарду свою лояльность. Если он победит Генриха и вернется в Лондон королем, то именно его двор и его королевские милости смогут явиться для нашего семейства источником благополучия и широчайших возможностей. Ведь это он будет распределять земли и должности, это он будет разрешать и устраивать браки. А у нас, сэр Ричард, семья довольно большая и дочерей много.

Несколько минут мы сидели, не решаясь поднять головы и опасаясь со стороны отца очередного взрыва гнева. Какое-то время он раздумывал, потом усмехнулся.

— Да благословит тебя Господь, моя чаровница! — воскликнул он. — Ты ведь всегда права. И я поступлю так, как ты советуешь, хоть и наперекор своим собственным желаниям. Можешь даже велеть девочкам, чтобы они украсили себя белыми розами, если, конечно, их можно достать в такое время года.

Мать наклонилась и поцеловала отца в щеку.

— На зеленых изгородах уже расцвел шиповник, — сообщила она. — Конечно, он не так хорош, как садовые розы, но Эдуард правильно поймет наши намерения. А больше нам, собственно, ничего и не нужно.

Разумеется, весь остаток дня мои сестры и кузины пребывали в лихорадочном возбуждении, примеряя наряды, приводя в порядок волосы, обмениваясь лентами и репетируя реверансы. Правда, Елизавета, жена моего брата Энтони, и две самые тихие наши компаньонки заявили, что не пойдут встречать войско, а вот сестры мои прямо-таки себя не помнили от радости. Еще бы: сам король и большая часть его свиты, самые знатные лорды — все они проедут мимо нашего дома! Какая прекрасная возможность произвести впечатление на тех, кто вскоре будет править страной! Если, конечно, победу одержит Эдуард.

— Ты что наденешь? — поинтересовалась моя сестра Маргарита, заметив, что я не участвую в общей суматохе.

— Свое серое платье и серую вуаль.

— Ну, это не самый лучший выбор, и потом, ты очень часто надеваешь это платье по воскресеньям. Почему бы тебе не предпочесть голубое?

Я равнодушно пожала плечами.

— Я иду туда только потому, что этого хочет мама. Вряд ли кто-то из воинов, вновь направляющихся на войну, хотя бы пару раз на нас взглянет.

Вытащив из шкафа свое серое платье, я слегка встряхнула его. Это было мое любимое платье, очень узкое в талии, с небольшим тренем сзади. Обычно я подпоясывала его изящным серым кушаком с длинными, низко свисающими концами. Разумеется, я оставила при себе мысль о том, что это серое платье мне гораздо больше к лицу, чем голубое.

— А помнишь, как ты пригласила короля к нам на обед, а он взял да явился? — восторгалась Маргарита. — Почему бы ему снова не посмотреть на тебя — и второй раз, и третий? Он и тогда глаз с тебя не сводил. Ты ему, мне кажется, очень понравилась, ведь он тебе и земли вернул, и на обед к нам пожаловал, и по саду с тобой погулял. Почему бы ему снова не нанести нам визит? Почему бы ему не предпочесть тебя другим дамам?

— Потому что между знакомством и обедом он не получил того, чего хотел! — довольно грубо произнесла я и отшвырнула платье в сторону. — А Эдуард, судя по всему, отнюдь не из тех королей, о доброте и щедрости которых слагают баллады. Цена его доброты оказалась чересчур высока для меня.

— Не может быть! Неужели он намеревался... получить тебя? — в ужасе прошептала Маргарита.

— Именно так.

— Боже мой, Елизавета! И что же ты ему ответила? Как поступила?

— Я ответила «нет». Но это было нелегко.

Мне было даже приятно, что сестра так здорово озадачена.

— Неужели он пытался принудить тебя?

— Не особенно, но пытался. Впрочем, это не имеет значения, — быстро добавила я. — Во всяком случае, я не почувство-

вала, что значу для него больше, чем любая другая девчонка, вышедшая на обочину дороги.

— Так, может, тебе завтра лучше остаться дома, — задумчиво протянула Маргарита, — раз он так тебя обидел. Ты можешь сослаться на плохое самочувствие. Или, если хочешь, я поговорю с мамой.

— Да нет, я пойду.

И я пожала плечами с таким видом, словно мне это совершенно безразлично.

Утром, впрочем, от моей храбрости не осталось и следа. Проведя бессонную ночь и съев на завтрак кусок говядины с хлебом, выглядела я далеко не лучшим образом и была бела как мел. И хотя Маргарита старательно натерла мне губы красной охрой, я все равно казалась изможденной и напоминала этакое «прекрасное привидение». Среди моих разодетых сестер и кузин я в своем сером платье и сером головном уборе выделялась, точно послушница среди монахинь. Зато мать, увидев меня, удовлетворенно кивнула.

— Молодец! — заключила она. — Выглядишь как настоящая леди, а не как крестьянка на ярмарке, которая вырядилась во все лучшее!

Впрочем, ее упрек, явно адресованный моим сестрам, повис в воздухе. Сестры так радовались, что им разрешили приветствовать войска, что материного недовольства чересчур яркими нарядами попросту не замечали. Мы собрались, прошли немного по дороге, ведущей в Графтон, и вскоре увидели на обочине небольшой отряд примерно в дюжину человек — то были отцовские рекруты; новоиспеченные воины стояли, широко расставив ноги, вооруженные кто дрекольем, а кто и дубинкой. Отец каждому выдал флажок с символом белой розы и несколько раз напомнил, что теперь им предстоит сражаться уже за династию Йорков, хотя раньше они, служа в пехоте, бились на стороне Ланкастеров. Теперь им против собственной воли пришлось стать перебежчиками, однако им самим это было, разумеется, совершенно безразлично: не все ли равно, какому

господину хранить верность? Они были вынуждены идти на войну, потому что так приказал хозяин, хозяин их полей, домов и почти всего, что они видели вокруг себя. Хозяину принадлежала мельница, где они мололи свое зерно, пивная, куда они ходили. Некоторые из этих людей никогда не бывали за пределами хозяйских владений, так что с трудом могли представить себе некий мир, в котором слово «сквайр» означает не просто «хозяин», не просто сэр Ричард Вудвилл или же его сын-наследник. Пока мой отец являлся сторонником Ланкастеров, его люди тоже защищали интересы этой династии. Когда отец получил титул барона Риверса, для них ничего не изменилось: они по-прежнему принадлежали своему хозяину. И вот теперь он посылал их сражаться за Йорков. Ну что ж, они, как всегда, готовы сделать все, что в их силах. Им пообещали вознаграждение за участие в боях, а также — в случае гибели на поле брани — помощь их вдовам и детям. А больше им и знать ничего не нужно. Это, правда, отнюдь не делало их борцами за идею, однако, приветствуя моего отца, они радостно махали руками, торчавшими из обтрепанных рукавов, стаскивали с головы шапчонки и с оценивающей улыбкой, но ласково посматривали на моих сестер и на меня, а их жены и дети вежливо приседали и кланялись нам.

Послышались боевые позывные, и все головы дружно повернулись в ту сторону. Из-за поворота неторопливой ровной рысцой выехали первые всадники с королевскими знаменами и трубами в руках, за ними — герольды, за герольдами — личная стража короля, в центре ревущей и размахивавшей стягами колонны находился сам Эдуард.

На мгновение мне показалось, что я вот-вот потеряю сознание, но пальцы моей матери крепко стиснули мой локоть, и я постаралась вернуть себе самообладание. Эдуард поднял руку, приказывая войску остановиться, и колонна замерла на месте. За первыми, довольно пестрыми рядами всадников тянулся длинный хвост хорошо вооруженных и, видимо, более опытных воинов; далее следовали рекруты, выглядевшие такими же испуганными и растерянными, как и наши новобранцы; затем

тащился обоз из многочисленных повозок с продовольствием, припасами и оружием и тяжелая платформа с пушкой, в которую были впряжены четыре массивных тяжеловоза; завершала процессию беспорядочная толпа: лошади, маркитантки, шлюхи и бродяги всех мастей. Казалось, какой-то небольшой город целиком зашевелился и сдвинулся с места, но только этот маленький город был смертельно опасен, поскольку направлялся творить зло.

Король Эдуард, легко спрыгнув с коня, приблизился к моему отцу, и тот низко поклонился правителю.

— Боюсь, большего отряда мы бы собрать не сумели, ваша милость, — сказал отец. — Но мои люди поклялись, что станут верно служить вам. Не откажитесь также принять в помощь вашему делу наш небольшой дар.

Тут вперед вышла моя мать и протянула королю кошель с золотом. Эдуард взял кошель, взвесил его на ладони и от всего сердца расцеловал мою мать в обе щеки.

— Вы очень щедры! — воскликнул Эдуард. — Я никогда не забуду оказанной вами поддержки.

Затем он перевел взгляд на меня, стоявшую в окружении сестер, и мы дружно присели в реверансе. Когда я выпрямилась и осмелилась наконец поднять глаза на Эдуарда, он по-прежнему смотрел на меня. На мгновение мне показалось, что все замерло вокруг нас, погрузилось в молчание — вся эта шумная армия, все эти лошади и люди, — и на свете не осталось никого, только он и я. Совершенно не задумываясь о том, что и как я делаю, подчиняясь лишь внутреннему зову, я шагнула навстречу Эдуарду, потом сделала еще шаг и еще, прошла мимо отца и матери и остановилась прямо перед королем, так близко, что он мог бы меня поцеловать, если б захотел.

— Я не могу спать, — прошептал он так тихо, что только я одна могла его слышать. — Я больше не могу спать, не могу, не могу!

— И я не могу.

— И ты?

— Да.

— Правда?

— Да.

Эдуард глубоко вздохнул, словно испытал невероятное облегчение.

— Так это любовь? — спросил он.

— Судя по всему, да.

— И есть я ничего не могу.

— Я тоже.

— И думать ни о чем не могу — только о тебе. Второй такой встречи с тобой мне не вынести — сложно в подобном состоянии идти в бой. Я вдруг поглупел, как мальчишка. И, как мальчишка, схожу по тебе с ума. Да я просто жить без тебя не могу! И не буду — чего бы мне это ни стоило!

Я почувствовала, как жар поднимается к моему лицу, заливая его румянцем, и впервые за много дней поняла, что улыбаюсь.

— И я ни о чем не могу думать, только о вас, — промолвила я. — Ни о чем! Я даже решила, что заболела.

Колечко, напоминающее крошечную корону, вдруг стало тяжело оттягивать мой карман, головной убор больно давил на голову, но я не обращала на это внимания и ничего не замечала вокруг; я видела лишь лицо Эдуарда, ощущала у себя на щеке его теплое дыхание, вдыхала запах его коня, его кожаного седла и — с наслаждением — его собственный запах: восточных пряностей, розовой воды и юношеского пота.

— Я просто с ума схожу, — снова прошептал Эдуард.

Уголки моих губ растянулись в улыбке. Посмотрев наконец ему прямо в глаза, я тихо ответила:

— И я схожу с ума — по вам. Это чистая правда.

— Тогда выходи за меня замуж!

— Что?

— Выходи за меня замуж. Ничего другого нам, видимо, не остается.

Я нервно хихикнула.

— Вы шутите со мной, ваша милость.

— Нет, я говорю совершенно серьезно. Мне кажется, я просто умру, если немедленно не получу тебя. Так ты согласна?

— Да, — выдохнула я.

— Хорошо, тогда завтра утром я приеду к тебе очень рано, и нас сразу же обвенчают в вашей маленькой часовне. Я привезу с собой полкового священника, а ты приведи свидетелей. Выбери тех, кому доверяешь. Наш брак некоторое время придется хранить в тайне. Ты хочешь этого?

— Да.

Эдуард впервые улыбнулся — словно теплый луч солнца осветил его красивые крупные черты.

— Боже мой, ведь я мог бы прямо сейчас заключить тебя в объятия, — заметил он.

— Завтра, — тихо пообещала я.

— В девять утра, — уточнил Эдуард и повернулся к моему отцу, который, поглядывая то на мое раскрасневшееся лицо, то на сияющего короля, тут же осведомился:

— Могу ли я предложить вашей милости немного освежиться и перекусить?

— Нет, спасибо, — отозвался Эдуард. — Но если позволите, я с удовольствием с вами завтра отужинаю. Я буду поблизости охотиться и надеюсь, что моя охота окажется удачной. — Он поклонился моей матери, мне, кивнул моим сестрам и кузинам, взлетел в седло и обратился к нашим новобранцам: — Стройтесь, ребята! Нам предстоит недолгий бросок и сражение во имя доброго дела. А на привале — славный обед. Храните мне верность, и я стану для вас добрым господином. Я не проиграл еще ни одного сражения, так что, надеюсь, со мною вы будете в безопасности. Ну а после битвы вас ожидает неплохая добыча и благополучное возвращение домой.

Это были именно те слова, которые новобранцы хотели услышать. Они сразу заметно повеселели и, шаркая ногами, встали в шеренгу. Мои сестры замахали букетами мелких, только что распустившихся белых цветов шиповника, запели трубы, и вся армия вновь пришла в движение. Эдуард без улыбки кивнул мне на прощание, а я подняла руку в приветственном жесте и прошептала ему вслед:

— До завтра.

Я все еще сомневалась в Эдуарде, хотя приказала пажу моей матери встать утром пораньше, отправиться в часовню и приготовиться петь псалом. Я сомневалась, даже когда явилась к матери и сообщила, что сам король Англии выразил желание жениться на мне, хотя и тайно. Я попросила мать взять с собой свою фрейлину Екатерину, прийти в часовню и стать свидетелями нашего бракосочетания. Я сомневалась, даже когда холодным утром стояла в своем лучшем голубом платье под сводами маленькой часовни. Я сомневалась в Эдуарде до тех пор, пока не услышала его быстрые шаги на дорожке перед часовней, пока не почувствовала его теплую руку у себя на талии, пока его губы не коснулись моих губ, пока он не обратился к священнику:

— Пожените нас, святой отец, я очень спешу.

Мальчик-паж спел свой псалом, священник произнес нужные слова. Мы с Эдуардом принесли брачные клятвы друг другу. Словно сквозь густой туман я видела радостное лицо матери и разноцветные стеклышки витража, через которые пробивалось солнце, отбрасывая радужные зайчики на каменный пол часовни.

— А обручальное кольцо? — спросил священник.

— Кольцо! — воскликнул король. — О, какой я дурак! Я же совсем позабыл, что у меня нет для тебя обручального кольца! — И он растерянно повернулся к моей матери. — Миледи, не могли бы вы одолжить мне какое-нибудь кольцо?

— Не надо! — вмешалась я, сама себе удивляясь. — У меня есть.

И я вытащила из кармана то самое кольцо, которое так долго и терпеливо выуживала из реки; то самое, которое напоминало крошечную английскую корону; то, которое магия воды подарила мне вместе с исполнением заветного желания. Король Англии собственноручно надел мне это кольцо на палец, и я стала его женой.

И королевой Англии — по крайней мере, королевой Англии из династии Йорков.

Пока мальчик-паж пел венчальную песню, Эдуард крепко обнимал меня за талию, затем повернулся к моей матери и задал вопрос:

— Скажите, миледи, куда я мог бы отвести свою жену?

Мать с улыбкой протянула Эдуарду ключ.

— У нас есть охотничий домик на берегу реки. Дочь моя, ступай с ним в Речной домик, я велела его для вас приготовить.

Эдуард поклонился ей, бегом вынес меня из часовни, усадил на своего огромного коня, сам сел позади и крепко меня обнял, прижимая к себе, когда взял в руки поводья. Впрочем, по берегу реки мы двинулись неспешным ходом; когда я чуть отклонялась назад, то чувствовала, как бешено стучит его сердце. Вскоре за деревьями показался маленький охотничий домик, над ним вился дымок из каминной трубы. Эдуард спрыгнул с коня, опустил меня на землю и отвел коня в стойло, а я тем временем открыла дверь. Обстановка внутри была самая простая, но в камине жарко горел огонь, а на деревянном столе стоял кувшин со свадебным элем и два бокала. У стола также находились два стула, чтобы можно было присесть и закусить хлебом, мясом и сыром; имелась там и просторная деревянная кровать, аккуратно застеленная великолепными льняными простынями. В комнате сразу потемнело, когда Эдуард появился в дверном проеме, почти полностью закрыв его собой. Он вошел, низко наклонив голову, чтобы не удариться о притолоку.

— Ваша милость... — начала я и тут же поправилась: — Милорд... супруг мой и повелитель...

— А ну-ка, жена, быстро в постель! — с огромным удовольствием приказал он.

Утреннее солнце, лучи которого так ярко играли на балках и свежевыбеленном потолке, когда мы с Эдуардом легли в постель, давно сменилось золотистым послеполуденным светом, и Эдуард, заметив это, сказал мне со смехом:

— Пресвятая Богородица! Как хорошо, что твой отец пригласил меня к ужину! Я просто умираю от голода. Я совершенно обессилен. А ну-ка выпусти меня из кровати, ведьма ты этакая!

— Я ведь еще два часа назад предлагала принести тебе в постель хлеба и сыру, — напомнила я, — но ты не дал мне и трех шагов до стола сделать.

— Другое было важнее, — заявил Эдуард и снова притянул меня к себе.

Я прижалась щекой к его обнаженному плечу, чувствуя аромат его тела, и меня вновь охватил жар страсти. Мы в очередной раз сплели свои тела в объятиях, а когда наконец расплели их и раскинулись на простынях, всю комнату заливал темно-розовый свет догорающего заката. Эдуард вскочил.

— Мне надо вымыться, — сообщил он. — Хочешь, я и тебе принесу со двора кувшин воды?

Он стоял передо мной, головой касаясь потолка, и я с наслаждением изучала его безукоризненное тело — примерно так торговец лошадьми смотрит на красивого жеребца. Эдуард был высок, строен, с отлично развитой мускулатурой, с широкой грудью и сильными плечами. И он улыбался мне. От счастья у меня перехватило дыхание.

— Ты так глядишь на меня, словно хочешь съесть, — ухмыльнулся Эдуард.

— С удовольствием съела бы! — воскликнула я. — Иначе я просто не знаю, как мне удовлетворить свою ненасытную страсть. Может, мне взять тебя в плен и держать здесь, каждый день понемножку от тебя откусывая?

— А если бы я взял тебя в плен, то наверняка от жадности сразу бы тебя проглотил! — засмеялся он. — Впрочем, ты и так не выйдешь на свободу, пока не забеременеешь.

— О да! — И мне в голову приходила эта замечательная мысль. — Да, конечно! Я рожу тебе много-много сыновей! И все они будут принцами!

— А ты станешь королевой-матерью и основательницей английской династии Йорков, которая, хвала Всевышнему, будет вечно править этой страной!

— Аминь, — преданно глядя на Эдуарда, отозвалась я, не испытывая ни тени смущения, ни дрожи, ни малейшей неловко-

сти. — Храни тебя Господь, мой любимый! И пусть Он вернет тебя ко мне невредимым!

— Я всегда выигрываю в сражениях, — с невероятной самоуверенностью повторил Эдуард, — так что будь спокойна и счастлива, дорогая моя Елизавета. Я не погибну на поле брани.

— И я буду королевой.

Впервые я по-настоящему поняла, что если Эдуард вернется домой, победив в этой битве, а законный король Генрих VI погибнет, то именно он, мой Эдуард, безоговорочно и по полному праву станет королем Англии, а я — его королевой.

После ужина Эдуард, испросив разрешения у моего отца, первым встал из-за стола, собираясь тут же скакать в Нортгемптон. Его паж заранее пришел к нам в конюшню, напоил и накормил коней, а затем подвел их к крыльцу.

— Я непременно буду завтра вечером, — пообещал Эдуард, прощаясь со мной. — Но сейчас мне необходимо повидать своих людей, проверить, как идет подготовка войска. Завтра я буду занят весь день, но к ночи обязательно появлюсь.

— Приходи прямо в охотничий домик, — шепнула я ему. — Как добрая жена, я буду ждать, приготовив тебе ужин.

— До встречи, — также шепнул он.

Затем, повернувшись к моим родителям, Эдуард поблагодарил их за гостеприимство, кивнул в ответ на их поклоны и умчался.

— Что-то его милость слишком внимателен к тебе, — заметил отец. — Не позволяй ему дурить тебе голову!

— Елизавета — самая красивая женщина в Англии, — тут же вмешалась мать. — А молодой король, как известно, очень любит хорошеньких женщин. Впрочем, наша дочь блюдет свою честь.

И мне опять пришлось ждать. Весь вечер, пока я играла с сыновьями в карты, пока слушала, как они читают на ночь молитвы, готовясь ко сну, и всю ночь. Я чувствовала себя страшно усталой после целого дня восхитительных, но весьма утомительных любовных игр и тем не менее так и не смогла

уснуть. Весь следующий день я была точно во сне — ходила по дому, разговаривала с другими людьми, делала все, что полагается, и все время ждала. Ждала, когда наступит ночь, когда он, низко наклонив голову, войдет наконец в дверь охотничьего домика, заключит меня в объятия и скажет: «А ну-ка, жена, быстро в постель!»

Три ночи прошли в этом тумане наслаждений, но потом ранним утром он сказал мне:

— Пора ехать, любовь моя. Теперь мы увидимся, только когда все будет кончено.

Я охнула, мне словно кто-то плеснул в лицо ледяной водой.

— Ты начинаешь войну? — спросила я.

— Да. Войско уже собрано. Мои шпионы сообщили, что Маргарита договорилась с Генрихом, он встретится с ней и ее армией на восточном побережье. Мы выходим немедленно, для начала завяжем бой с Генрихом, а затем быстрым маршем направимся навстречу Маргарите, едва она успеет высадиться на берег.

Эдуард одевался, а я все цеплялась за его рубаху.

— Но ведь ты же не отправишься туда прямо сейчас? — уточнила я.

— Сегодня и прямо сейчас, — ответил Эдуард, ласково убирая мои руки и продолжая торопливо натягивать вещи.

— Но мне невыносима разлука с тобой!

— Мне тоже. Но ничего. Ты постарайся ее выдержать. А теперь послушай меня внимательно.

И передо мной вдруг оказался совсем другой человек, очень отличавшийся от того шального молодого любовника, каким он был в течение этих трех ночей нашего «медового месяца». Сама-то я обо всем на свете позабыла, кроме чувственных наслаждений, а он, оказывается, строил серьезные планы. О да, это был настоящий король, защищающий свое королевство! И я покорно ждала его приказаний.

— Если я одержу победу, что, скорее всего, случится, то вернусь к тебе, и мы при первой же возможности объявим о своем

браке. Разумеется, будет немало тех, кто выразит недовольство, но дело сделано, и им придется смириться с неизбежностью.

Я кивнула. Мне было известно, что вечный советник Эдуарда, лорд Уорик, привыкший им командовать, давно уже планировал его брак с французской принцессой.

— Если же удача вдруг от нас отвернется и я погибну, то ты никому не говори ни о нашем супружестве, ни об этих счастливых днях. — Эдуард поднял руку, желая остановить мои возражения, уже готовые сорваться с языка. — Никому ни слова. Ты ничего не выиграешь, оставшись вдовой погибшего самозванца, чья голова будет, разумеется, выставлена на воротах Йорка. Наоборот, это попросту тебя погубит. Ведь сейчас всем известно, что ты дочь семейства, издавна преданного Ланкастерам. Вот этого и следует придерживаться. Ну а меня ты, я надеюсь, не забудешь и помянешь в своих молитвах. Пусть этот брак останется только нашей тайной и о ней будет известно одному лишь Богу. И уж по крайней мере двое из нас троих будут хранить ее, потому что одним из них будет Господь, а другой погибнет.

— Но моя мать знает...

— Она знает, что самый лучший способ обеспечить твою безопасность — это заставить молчать и мальчика-пажа, и ту фрейлину. И твоя мать вполне к этому готова, она все понимает. Я уже дал ей денег.

Я с трудом подавила слезы.

— Что ж, хорошо, я все поняла.

— И еще... Если все сложится плохо, выйди снова замуж. Выбери себе хорошего человека, который будет любить тебя и заботиться о мальчиках, и будь с ним счастлива. Мне бы так хотелось, чтобы ты была счастлива!

Я низко склонила голову, поскольку от горя не могла вымолвить ни слова.

— А теперь вот что: если ты обнаружишь беременность, тебе придется покинуть Англию, — продолжал Эдуард повелительным тоном. — Сразу же откройся своей матери. Я уже общался с нею, и она знает, что делать. Герцог Бургундский повелева-

ет также всей Фландрией, и во имя родства с твоей матерью, а также из любви ко мне он обещал предоставить тебе во владение дом. Если родится девочка, ты сможешь скрываться какое-то время и затем, получив от Генриха прощение, вернуться в Англию. Если ты выждешь еще год, в итоге тебя будет ждать невероятная популярность — мужчины будут с ума сходить, пытаясь добиться твоей руки. Ты станешь прекрасной вдовой погибшего в сражении претендента. Наслаждайся же своей славой — хотя бы ради меня, умоляю. Если же родится мальчик, действовать придется иначе. Мой сын будет наследником трона, наследником династии Йорков. И тебе придется серьезно заботиться о его безопасности. Возможно даже, возникнет необходимость где-то его спрятать, пока он не вырастет и не предъявит свои законные права. Какое-то время он может жить под вымышленным именем в небогатой семье. И на это время тебе придется усмирить ненужную гордыню. Мои братья, Ричард и Георг, станут его хранителями. Доверься им, они защитят любого из моих сыновей. Но может случиться и так, что умрут и Генрих, и его юный сын, и тогда именно твой сын станет единственным наследником английского трона. Разумеется, я сразу сбрасываю со счетов Маргариту Бофор из дома Ланкастеров¹. Трон должен получить только мой сын! Таково мое заветное желание. И он его получит, если сможет завоевать его или же если Ричард или Георг завоюют для него этот трон. Ты меня поняла? Ты должна будешь уехать с моим сыном во Фландрию и вырастить его в полной безопасности — ради меня! Чтобы он стал следующим королем из династии Йорков.

— Да, — только и смогла я сказать.

Я понимала, что моя тоска и страх — все это касается уже не только меня одной. Если за несколько дней безумной страсти мы и впрямь сумели зачать сына, это будет не просто дитя любви, а наследник королевского трона, очередной претендент,

¹ Маргарита Бофор была правнучкой Джона Гонта, герцога Ланкастерского, сына короля Эдуарда III.

очередной участник долгого и смертельно опасного соперничества двух династий — Йорков и Ланкастеров.

— Конечно, тебе будет нелегко вынести все это, — добавил Эдуард, увидев, как сильно я побледнела. — И более всего на свете я хочу, чтобы ничего этого никогда не случилось. Но ты все-таки запомни: спастись и сохранить жизнь моему сыну ты сможешь только во Фландрии. Я оставил твоей матери достаточно денег, и она знает, куда тебе в таком случае направиться.

— Я буду это помнить, — заверила я. — Но пожалуйста, вернись ко мне!

Эдуард засмеялся. И это был не фальшивый смех, а смех человека действительно счастливого, уверенного в своей удаче и своих возможностях.

— Я обязательно к тебе вернусь, — пообещал он. — Верь мне. Ты вышла замуж за мужчину, который намерен умереть только в собственной постели и желательно после того, как займется любовью с прекраснейшей из женщин Англии!

Эдуард протянул ко мне руки, и я шагнула в его теплые объятия.

— Ты все-таки очень постарайся вернуться, — настаивала я. — А я очень постараюсь всегда оставаться для тебя самой прекрасной женщиной Англии.

Эдуард поцеловал меня, но как-то коротко, словно мыслями был уже где-то в другом месте, и решительно высвободился из моих сомкнутых рук. Я чувствовала, что он покинул меня еще до того, как, низко пригнувшись, шагнул за порог, возле которого уже стоял его паж, держа под уздцы оседланного коня.

Когда Эдуард уже вскочил в седло, я выбежала из дома помахать ему на прощание. Его огромный гнедой жеребец, вероятно сильный и мощный, нетерпеливо приплясывал на месте, выгибая шею и пытаясь подняться на дыбы. Король Англии, натягивающий поводья, был так великолепен на своем боевом коне в лучах солнца, что и мне на мгновение показался совершенно неуязвимым.

— Да хранит тебя Господь! Удачи в бою! — крикнула я, и Эдуард отсалютовал мне, пришпорил коня и помчался на битву с другим законным королем Англии — за жизнь и корону.

Я так и стояла, подняв руку, пока вдали не перестал мелькать его боевой флаг с белой розой Йорков, пока не смолк топот копыт. Я не помнила себя от горя — он уехал от меня, ускакал прочь, встретимся ли мы когда-нибудь?.. И тут, к своему ужасу, я увидела, как мой брат Энтони, явно давно за нами наблюдавший и наверняка видевший сцену прощания, вышел из густой тени и направился прямо ко мне.

— Ах ты шлюха! — бросил он.

Я непонимающе уставилась на брата.

— Что?

— Ты шлюха! Ты опозорила наш дом, свое имя и имя своего бедного покойного мужа, который погиб, сражаясь с этим узурпатором! Да простит тебя Господь, Елизавета, но я немедленно все рассказываю отцу. Надеюсь, он просто отправит тебя в монастырь, а не придушит в ту же минуту!

— Нет!

Я решительно шагнула к Энтони и схватила его за плечо, но брат стряхнул мою ладонь.

— Не трогай меня, паршивка! Я не желаю, чтобы ты прикасалась ко мне теми же руками, какими только что оглаживала этого Йорка!

— Энтони, ты все неправильно понял!

— Что ж мне, собственным глазам не верить? — разъяренно прошипел он. — Или ты меня околдовала? Ты у нас, часом, не фея Мелюзина? Не прекрасная богиня, которая так любит купаться в лесных источниках? Может, и тот, кто недавно с тобой расстался, всего лишь рыцарь, поклявшийся верно тебе служить? Или все мы вдруг попали в Камелот¹, где процветает прекрасная благородная любовь? Значит, здесь у нас царит чистая поэзия, а не вонь сточной канавы?

¹ Камелот — место, где находился двор легендарного короля Артура, предположительно возле города Эксетера.

— Да, это прекрасная благородная любовь! — не выдержала я.

— Да ты даже значения этого слова не понимаешь! Ты самая настоящая шлюха! Вот увидишь, когда они в следующий раз будут проезжать мимо нас, этот Йорк передаст тебя сэру Уильяму Гастингсу; он всегда так поступает со своими девушками.

— Он любит меня!

— Так он говорит всем и каждой.

— Но он действительно меня любит! И вернется ко мне...

— Он всем это обещает.

Я пришла в такую ярость, что даже попыталась ударить Энтони, но брат ловко уклонился, не желая получить кулаком в нос. И тут заметил, что у меня на левой руке блеснуло золотое кольцо. Впрочем, это не остановило его насмешки.

— Неужели он тебе колечко подарил? И ты надеешься, что на меня произведет впечатление этот залог любви?

— Никакой это не залог любви! Это обручальное кольцо! Настоящее обручальное кольцо, Эдуард надел мне его на палец во время настоящей брачной церемонии! Мы с ним обвенчались.

Едва это победоносное заявление сорвалось с моих уст, я сразу поняла: Энтони ничем не проймешь.

— Великий боже, да ведь он тебя обманул! — огорченно воскликнул брат. Он обнял меня и прижал к груди мою голову. — Бедная моя сестренка, бедная моя дурочка!

— Сейчас же отпусти! — Я вырвалась. — Никакая я не дурочка! Как ты смеешь так меня называть?

Энтони печально, с горькой усмешкой смотрел на меня.

— Дай-ка я попробую догадаться, — продолжал он. — Это ведь было тайное венчание в частной часовне, верно? И никто из его друзей или придворных при этом не присутствовал. Неужели он даже лорду Уорику ничего не сказал? И тебе он, наверное, велел пока помалкивать, так? И все отрицать, если кто-то спросит.

— Да. Но...

— Ты вовсе ему не жена, Елизавета. Он тебя обманул. Это бракосочетание было всего лишь притворством, он все под-

строил, и ваш брак не имеет никакого веса ни в глазах Господа, ни в глазах людей. Он обвел тебя вокруг пальца с помощью какого-то дрянного колечка и подставного священника. Ему просто хотелось поскорее затащить тебя в постель!

— Неправда!

— Ты пойми, этот человек надеется остаться королем Англии. Стало быть, ему нужно жениться на принцессе! А вовсе не на какой-то вдове-попрошайке из вражеского лагеря, которая вышла на дорогу, чтобы молить его о возвращении вдовьей доли. Если уж Эдуард и сыграет свадьбу с англичанкой, то это наверняка будет одна из самых знатных особ, принадлежащая к дому Ланкастеров, возможно Изабелла, дочь лорда Уорика. Зачем ему связываться с женщиной, отец которой воевал против него? Впрочем, скорее всего, он женится на какой-нибудь богатой европейской принцессе — на испанской инфанте или французской дофине. В любом случае он должен заключить такой брак, чтобы чувствовать себя на английском троне в относительной безопасности и завести надежных союзников. Лорд Уорик никогда ему не позволит жениться по любви на какой-нибудь хорошенькой мордашке! Да он и сам отнюдь не дурак, так что вредить себе не станет.

— Он совершенно не обязан поступать так, как хочет лорд Уорик! Эдуард — король!

— Он — марионетка Уорика! — отрезал мой брат. — Лорд Уорик просто решил поддержать его — как когда-то отец Уорика поддержал отца Эдуарда. Без их помощи ни твой любовник, ни его отец никогда не сумели бы воплотить в жизнь свои планы по поводу трона. Лорд Уорик — известный «делатель королей», это он слепил из твоего любовника короля Англии. И можешь быть совершенно уверена: он найдет для него и соответствующую королеву. Уорик сам выберет для Эдуарда невесту, и Эдуард непременно на ней женится!

Я потрясенно молчала.

— Но Эдуард уже выбрал! — наконец пролепетала я. — Он не может больше ни на ком жениться! Он уже женился — на мне.

— Игра, шарада, маскарад — и ничего больше.
— Неправда! Там были свидетели.
— Кто?
— Во-первых, наша мать! — выложила я свой главный козырь.

— Наша мать?

— Да, наша мать и ее фрейлина.

— А отец знает? Он там был?

Я молча покачала головой.

— Я так и думал! И кто же там был еще? Кто они, эти твои многочисленные свидетели?

— Наша мать, Екатерина, священник и мальчик-певчий, — сообщила я.

— Что за священник?

— Я его не знаю. Ему король приказал явиться в часовню.

Брат пожал плечами.

— Если это вообще священник! Скорее всего, это просто кто-то из его шутов или приятелей, согласившийся оказать ему услугу и сыграть такую несложную роль. Даже во время ордалии Эдуард сможет легко все отрицать, поскольку этот брак не был заключен по всем правилам. И потом, что значит слово трех женщин и одного мальчика против слова короля Англии? Он запросто может приказать, и всех вас арестуют под каким-либо предлогом и продержат с годик в тюрьме, а он тем временем благополучно женится на любой принцессе. Да он вас с матерью просто вокруг пальца обвел!

— Клянусь тебе, он действительно меня любит!

— Не исключено, — согласился брат. — Возможно, он любил каждую из тех, с кем переспал, а их сотни. Подумай, что будет, когда это сражение закончится и Эдуард, окрыленный победой, поскачет домой. Что, если он снова увидит на обочине дороги какую-нибудь хорошенькую девушку? Да он через неделю о тебе и думать забудет!

Я коснулась своей щеки и обнаружила, что она мокрая от слез.

— Я непременно расскажу маме, какие гадости ты мне тут наговорил! — слабым голосом пригрозила я, точно в детстве; впрочем, эта фраза и тогда не особенно пугала Энтони.

— Давай сейчас вместе отправимся к ней, — предложил брат. — Уверяю тебя: наша мать совсем не обрадуется, когда поймет, что ее так обманули, что заставили подтолкнуть к позорной связи собственную дочь.

Мы молча прошли через рощу и по знакомому мостику перебрались через реку. Поравнявшись со старым ясенем, я мельком на него глянула, но не заметила на стволе никаких следов той нити. Нить, петли, клубок — все исчезло; не было ни малейших доказательств, что тут кто-то творил волшебство. Навсегда сомкнулись и воды реки, из которой я вытащила свое обручальное кольцо. И я уже не была уверена, что магия подействовала. Я уже сомневалась в том, что она вообще существует. У меня осталось только маленькое золотое колечко, напоминающее крошечную корону, но это, возможно, ровным счетом ничего не значило...

Мать возилась в аптечном огороде, который по ее приказу был разбит у боковой стены дома. Увидев, как мы с Энтони решительно приближаемся к ней на расстоянии шага друг от друга и упрямо молчим, она выпрямилась. Держа в руках корзинку с травами, мать ждала, когда мы подойдем ближе, и внутренне готовилась к неприятной беседе.

— Здравствуй, мой мальчик, — поздоровалась она с Энтони.

Брат опустил перед матерью на колени, а она с улыбкой благословила его, положив ладонь на его светловолосую голову. Затем он встал, взял ее руку в свои и заявил:

— По-моему, этот ваш король солгал и тебе, и моей сестре. Бракосочетание происходило в такой тайне, что, судя по всему, не найдется ни одного достойного человека, который сможет подтвердить его подлинность. Не сомневаюсь, Эдуард устроил весь этот маскарад, желая просто переспать с Елизаветой, и теперь, разумеется, станет отрицать, что женат на ней.

— Значит, ты так думаешь? — степенно уточнила мать.

— Именно. И кстати, он уже не впервые устраивает такое венчание, чтобы затащить девушку в постель. Он и раньше позволял себе подобное, и мне известна женщина, которая в итоге так и не дождалась от него обручального кольца, зато родила ему бастарда.

Мать по-прежнему держалась с великолепным спокойствием.

— Как он поступал прежде, это его личное дело, — заметила она, слегка пожав плечами. — Но я собственными глазами наблюдала за всем обрядом, Эдуард дал клятву перед алтарем, и я готова держать пари: вернувшись, он объявит Елизавету своей женой!

— Да никогда он этого не сделает! — горячился Энтони. — И моя сестра будет обесчещена. Да еще и опозорена в случае беременности.

Мать с улыбкой смотрела в сердитое лицо Энтони.

— Если ты прав и он действительно намерен отрицать свой брак с Елизаветой, тогда ее и впрямь ожидает весьма жалкое будущее, — согласилась она.

Я не выдержала и отвернулась. Всего несколько минут назад мой возлюбленный умолял меня во что бы то ни стало уберечь от опасности нашего сына и объяснял, как это сделать, а теперь мои близкие опасаются, что этот еще не родившийся ребенок станет причиной моего падения!

— Я уйду. Пойду лучше повидаться со своими сыновьями, — холодно произнесла я. — Не желаю больше все это слушать. И обсуждать это более не хочу. Я была честна с Эдуардом, и он будет честен со мной, а вы еще пожалеете, что сомневались в нем!

— Дурочка ты, — упрекнул меня Энтони, которого мои слова, судя по всему, ничуть не впечатлили. — Вот чего мне действительно жаль. — Он повернулся к матери и добавил: — Ты пыталась играть по-крупному и сыграла блестяще, но на кон поставила жизнь и счастье дочери против честного слова всем известного лжеца.

— Возможно, — по-прежнему невозмутимо ответила мать. — Ты у нас, сынок, человек мудрый, философ. Но уверяю тебя: кое-что я знаю гораздо лучше. Даже сейчас.

Я медленно побрела прочь, и ни один из них меня не окликнул.

И снова мне пришлось ждать. Впрочем, ждать пришлось всему королевству. Все мы ждали, когда же станет известно, кого нам приветствовать как короля, кто отныне будет править страной. Мой брат Энтони даже послал своего человека на север — разведать, что и как, и мы все предвкушали его приезд и рассказ о том, сумели ли объединиться войска Генриха и Маргариты, состоялась ли битва и осталась ли удача на стороне короля Эдуарда. Только в мае слуга брата вернулся домой; он побывал далеко на севере, близ Хексема, и там познакомился с человеком, который поведал ему о состоявшемся сражении, страшном и кровавом. Я слушала, стоя в дверях, и не решалась войти; мне хотелось знать, чем все закончилось, но только без подробностей — мне они давно уже не требовались, чтобы представить себе бой, в нашей стране все привыкли к бесконечным воспоминаниям о войнах. Каждый ее житель не раз слышал, что в данный момент армии выходят на боевые позиции, а может, и собственными глазами видел атаку, отступление или ту мучительную паузу, когда войска вынуждены перегруппировываться. У каждого были родственники или знакомые в тех городах и деревнях, что лежали на пути победившей армии, стремившейся теперь лишь мародерствовать и насиловать. У каждого имелась в запасе не одна история о несчастных женщинах, пытавшихся найти убежище в церкви и тщетно звавших на помощь. Каждый понимал: эти бесконечные войны разорвали на части нашу страну, разрушили благополучие и дружеские отношения с соседями, уничтожили не только доверие к иностранцам, но и любовь между родными братьями; мы забыли, что дороги бывают безопасными, а преданность своему королю — искренней. Однако ничто не могло положить конец этим сражениям. Мы все продолжали бороться, стремясь к оконча-

тельной победе и надеясь, что некий победоносный король принесет нам мир, но окончательной победы не выходило, и мира не получалось, и ни один король никак не мог утвердиться на троне¹.

Наконец посланец Энтони перешел к главной части своего затянувшегося повествования. Армия короля Эдуарда одержала победу, причем решительную, обратив в бегство войско Ланкастеров. Король Генрих, бедный «странствующий король»², не понимал толком, где он находится и что с ним происходит, даже пребывая в собственных покоях в Вестминстере. В итоге он бежал на пустоши Нортумберленда, и за его голову, как за голову преступника и изгоя, была назначена награда. Так Генрих и скитался, лишенный слуг, друзей и последователей, невольно пересекая границы и нарушая их, точно дикая птица клушица.

Его жена, королева Маргарита Анжуйская, некогда ближайшая подруга моей матери, скрылась в Шотландии вместе с принцем-наследником. Она потерпела сокрушительное поражение, а ее муж был попросту раздавлен. Но все в стране понимали: Маргарита никогда не смирится и вновь начнет создавать всевозможные заговоры, строить далеко идущие планы и отстаивать интересы своего сына — она действовала в точности так, как Эдуард советовал действовать и мне в отношении нашего тогда еще не родившегося сына. Было ясно, что Маргарита не остановится до тех пор, пока не вернется в Англию и не развяжет очередную войну. Она не остановится, пока не умрут ее муж, а может, и сын и ей будет просто некого посадить на ан-

¹ Несмотря на победы Маргариты Анжуйской — сперва при Уэйкфилде в 1460 г., когда погиб Ричард Йорк, а затем при Сент-Олбансе в 1461 г., — многие в Англии поддерживали йоркистов, и в том же 1461 г. лондонцы с подачи графа Уорика согласились признать королем сына Ричарда Йоркского. Он был коронован под именем Эдуарда IV, после чего в Англии оказалось два короля. Но после ранее упоминавшегося сражения при Таутоне Генриху VI и Маргарите Анжуйской пришлось бежать в Шотландию.

² После сражения при Таутоне король Генрих VI, частично утратив разум, скитался по стране вместе с нищенствующими монахами, за что и получил это прозвище. Вскоре после сражения при Хексеме (1464) его поймали где-то в Ланкашире и в 1465 г. посадили в Тауэр.

глийский трон. Я думала о том, что непросто в наши дни быть королевой Англии. Маргарита вела борьбу за трон в течение почти десяти лет — с тех самых пор, когда ее супруг, по сути, утратил способность управлять страной и Англия стала напоминать перепуганного зайчишку, брошенного в поле перед сворой охотничьих собак и мечущегося в поисках спасения то в одну, то в другую сторону. И я понимала: хуже всего, что именно так может случиться со мной, если Эдуард вернется, назовет меня своей королевой и у нас с ним родится сын и наследник. Моему молодому возлюбленному предстояло стать правителем ненадежного, неуверенного в себе государства, а мне — женой этого новоявленного правителя, предъявившего свои права на королевский престол.

И Эдуард действительно вернулся. Для начала, правда, он послал мне весточку о том, что выиграл сражение, сломил осаду Бамбургского замка и вскоре заедет к нам, когда его армия двинется на юг. Моему отцу он пообещал прибыть к обеду, а в крошечной личной записке, адресованной мне, нацарапал, что непременно останется на ночь.

Я показала эту записку матери.

— Можешь сообщить Энтони, — сказала я, — что мой муж мне по-прежнему верен.

— Я ничего не буду сообщать Энтони, — холодно заявила мать.

А мой отец, в общем, оказался даже рад, что примет у себя короля-победителя.

— Мы правильно поступили, дав ему своих людей, — обратился он к матери. — Да благословит тебя Господь за эту идею, любовь моя! Ведь он действительно одержал победу, и мы в очередной раз — благодаря тебе — оказались на стороне победителя.

Мать улыбнулась.

— У этого военного конфликта, как и всегда, могло быть два исхода. И это вовсе не я, а Елизавета заставила Эдуарда повернуться в нашу сторону. Это ведь ее он хочет проведать.

— Может, у нас по такому случаю найдется хороший кусок отвисевшейся говядины? — Отец задумался. — Идея! Мы с Джоном и мальчиками отправимся на соколиную охоту и добудем немного дичи.

— Не беспокойся, мы устроим в честь Эдуарда отличный обед, — заверила мать.

Она так и не проронила ни слова о том, что в нашей семье имеется куда более важный повод для праздничного пира. Мать по-прежнему молчала о том, что король Англии на мне женился, и я начинала подозревать, что и она считает, будто Эдуард меня обманул.

Впрочем, совершенно невозможно было понять, что именно у моей матери на уме, когда она глубоким реверансом приветствовала нового короля. В ее поведении не просматривалось ни малейшего намека на фамильярность, дозволенную любой женщине в отношении собственного зятя. Но и холодностью ее обращение с королем отнюдь не отличалось, хотя эта холодность наверняка появилась бы, если бы мать сочла, что Эдуард обвел нас обеих вокруг пальца. Мать весело и учтиво приветствовала его как короля-победителя, а он ее — как знатную даму, бывшую герцогиню; со мной же они оба обращались как с любимой дочерью семейства.

Обед прошел весьма успешно, Впрочем, этого и следовало ожидать, хотя отец был страшно возбужден и прямо-таки переполнен совершенно ненужным бахвальством; однако мать, как всегда, держалась элегантно и сдержанно, а сестры, тоже как всегда, пребывали в состоянии глуповатого восхищения. Зато мои братья яростно безмолвствовали. После обеда король попрощался, вскочил на коня и якобы поскакал обратно в Нортгемптон, а я, набросив плащ, помчалась по знакомой тропинке к охотничьему домику у реки.

Естественно, Эдуард добрался туда раньше меня; его огромный боевой конь уже стоял в стойле, а паж успел завалиться на сеновал. Эдуард молча обнял меня. Я тоже молчала. У меня вполне хватало ума, чтобы не приветствовать вернувшегося с войны мужа всевозможными жалобами и подозрениями. Ког-

да он прикасался ко мне, я мечтала об одном: чтобы он делал это снова и снова, а когда он целовал меня, мне хотелось, чтобы это никогда не кончалось, чтобы звучали самые сладостные для моего уха слова: «А ну-ка, жена, быстро в постель!»

Утром, когда я расчесывала волосы перед маленьким серебряным зеркалом и укладывала пряди в высокую прическу, Эдуард остановился у меня за спиной, наблюдая за моими действиями. Порой он брал золотистый локон, наматывал его на палец и любовался тем, как играет на блестящих прядях утренний свет.

— Ты мне мешаешь, — улыбнулась я.

— Так это я специально! Не убирай свои чудесные волосы. Я так люблю, когда они свободно струятся у тебя по плечам!

— Господин мой и повелитель, ну когда же мы объявим о нашем браке? — спросила я, глядя на Эдуарда в зеркало.

— Только не сейчас, — быстро ответил он. Слишком быстро: он явно все заранее обдумал. — Милорд Уорик страстно желает женить меня на принцессе Боне Савойской, дабы обеспечить нам гарантированный мир с Францией. Мне потребуется выждать подходящий момент и сообщить ему, что этот брак невозможен. Думаю, он тоже не сразу привыкнет к подобному положению вещей.

— Значит, через несколько дней? — уточнила я.

— Скорее, недель, — уклончиво произнес Эдуард. — Уорик будет страшно разочарован, ведь он получил бог знает какие взятки, чтобы этот брак состоялся.

— Выходит, он не очень-то тебе предан, раз берет взятки.

— Нет. Уж он-то мне предан! Да, он берет у французов деньги, но не с целью обмануть меня, ведь мы с ним заодно. Я знаю его с детства. Он учил меня биться на турнирах, подарил мне мою первую шпагу. И отец его был для меня как второй отец. А самого Уорика я всегда воспринимал как своего старшего брата. Если бы его не было рядом, я и сражаться за английский трон никогда бы не стал. Его отец помог взойти на престол моему отцу, сделав его истинным наследником ан-

глийских королей, а Ричард в свою очередь поддержал меня. Он мой замечательный наставник и большой друг. Он обучил меня почти всему, что я умею, как в сражениях, так и в управлении государством. Придется нам не спешить, поскольку я должен выбрать удобный момент, когда смогу рассказать ему о нас, о том, что не в силах противостоять твоим чарам. Я не поступлю с ним иначе.

— Уорик так важен для тебя?

— Это величайший человек в моей жизни.

— Но рано или поздно ты откроешь ему правду? — допытывалась я, стараясь сохранять непринужденность и легкость. — Ты представишь меня всем как свою законную супругу?

— Да, разумеется. Как только это будет уместно.

— Но можно мне, по крайней мере, поделиться с отцом? Чтобы мы могли встречаться не таясь, как муж и жена?

Эдуард рассмеялся.

— Уж лучше сразу городскому глашатаю! Нет, любовь моя, тебе придется еще какое-то время хранить наш брак в секрете.

Я надела свой высокий головной убор с ниспадающей вуалью и молча завязала ленты под подбородком. От тяжести этого убора у меня сразу заболела голова.

— Ты ведь веришь мне? Елизавета, ты мне веришь? — поинтересовался Эдуард, ласково наклоняясь ко мне.

— Да, — солгала я. — Я верю тебе всей душой.

Когда мы прощались с Эдуардом, Энтони стоял рядом со мной, приветственно подняв руку и неестественно улыбаясь.

— А ты, значит, с ним не едешь? — саркастически усмехнулся он. — И в Лондон за новыми нарядами тоже не собираешься? И ко двору пока представлена не будешь? Не будешь присутствовать на благодарственном молебне в качестве королевы.

— Сначала он должен все рассказать лорду Уоррику, — сообщила я. — И все ему объяснить.

— Это лорд Уорик все ему объяснит! — вдруг рассердился мой брат. — Это он ему напомнит, что король Англии не может позволить себе жениться на нетитулованной особе, что не при-

стало королю Англии брать в супруги женщину, определенно не являющуюся девственницей, да к тому же не имеющую ни знатного происхождения, ни состояния. А твой драгоценный Эдуард отмахнется, что это была просто шутка, что на венчании не было ни лордов, ни придворных, что его молодая жена даже собственным родителям об этом венчании не говорила, что обручальное кольцо она носит в кармане; и после подобных рассуждений они оба согласятся, что этот брак ни гроша не стоит, что на него можно не обращать никакого внимания, словно его никогда и не было. Эдуард уже не раз делал так прежде, так он поступит и теперь; так он и будет вести себя до тех пор, пока в нашем королевстве не переведутся глупые женщины, — а значит, всегда!

Я повернулась к Энтони, и он, заметив, как исказилось мое лицо, тут же изменил тон.

— Что с тобой, Елизавета? Не гляди на меня так!

— Да мне без разницы, признает он меня своей женой или нет! — гневно выкрикнула я. — Ты, глупец, совсем ничего не понял! Дело вовсе не в том, хочу ли я стать королевой, и даже не в том, любит ли он меня. Это я схожу по нему с ума, это я влюбилась как безумная! Да я бы босиком за ним пошла, если б потребовалось! Ну повтори еще раз, что таких, как я, великое множество. Мне все равно! Меня больше не заботит ни мое честное имя, ни моя гордость. Пока у меня есть возможность еще хоть раз увидеть его, это единственное, к чему я стремлюсь; я хочу просто любить его. И на сегодняшний день у меня одно желание: встретить его снова и почувствовать, как он меня любит!

Энтони крепко обнял меня и прижал к груди, ласково поглаживая по спине.

— Ну конечно, он тебя любит, — твердил он. — Разве кто-то из мужчин способен остаться к тебе равнодушным? А если он тебя не любит, значит, он просто тупица.

— Я так люблю его! — жалким голосом пробормотала я. — Я любила бы его, даже если б он был никем.

— Нет, не любила бы, — мягко возразил Энтони. — Ты истинная дочь своей матери, и не зря в твоих жилах течет кровь

водной богини. Ты рождена быть королевой, и, возможно, все еще сложится замечательно. Возможно, он действительно тобой дорожит и не откажется от тебя.

Откинув назад голову, я посмотрела брату в лицо.

— Но ты в это не веришь?

— Нет, — признался Энтони. — Если честно, мне кажется, сегодня было ваше последнее свидание.

Сентябрь 1464 года

Эдуард прислал мне письмо. В нем он обращался ко мне как к леди Елизавете Грей, называл «любовь моя», а не «жена», так что это письмо не давало мне никаких дополнительных доказательств нашего брака, если бы он все-таки вздумал его отрицать. Эдуард писал, что очень занят, но скоро пошлет за мной. В тот период он со своим двором пребывал в Рединге, на юге Англии. Эдуард обещал переговорить с лордом Уориком, просто никак не мог найти для этого достаточно времени из-за постоянно продолжавшихся заседаний Королевского совета, которому предстояло решить огромное количество самых разнообразных вопросов. Король Генрих, потерпев поражение, все еще не был пойман и по-прежнему скитался где-то в холмах Нортумберленда; королева Маргарита бежала на родину, во Францию, и потребовала там помощи, а потому прочный союз с Францией был куда более важен, чем прежде. Неплохо было бы отсечь Маргариту от ее французских советчиков и обрести уверенность в том, что она не получит поддержки в своей борьбе за английский престол. Впрочем, Эдуард ни словом не обмолвился о том, что его брак с французской принцессой устранил бы все эти проблемы. Зато он уверял, что по-прежнему меня любит, прямо-таки сгорает от страсти и страшно тоскует в разлуке. Хотя это были обычные слова и обещания пылкого любовника, ничего особенного не значившие и ни к чему не обязывающие.

Тот же гонец привез послание и моему отцу. Отца приглашали принять участие в заседании Королевского совета в Редин-

ге. Думаю, подобное приглашение получил каждый знатный дворянин. Моим братьям, Энтони, Джону, Ричарду, Эдварду и Лайонелу, тоже предстояло отправиться в Рединг.

— Пиши мне подробно обо всем, — наставляла отца мать, когда все мы их провожали и смотрели, как они садятся на коней.

Верхом они выглядели точно маленький боевой отряд — отличных все-таки сыновей родила и воспитала моя мать!

— Эдуард наверняка созывает нас, собираясь объявить, что женится на этой французской принцессе, — ворчал отец, наклоняясь и подтягивая подпругу. — И что в этом хорошего? Принесет ли нам добро союз с французами? Да и прежде много от него было толку? И все-таки Эдуарду придется заключить с ними сделку: ему необходимо заставить замолчать Маргариту Анжуйскую. Если все выгорит, его жена-француженка будет рада видеть тебя при дворе, все-таки вы родня.

Моя мать даже глазом не моргнула при упоминании о возможном браке Эдуарда с француженкой.

— Пиши мне подробно обо всем, — повторила она. — Храни тебя Господь, муж мой, возвращайся скорее.

Отец наклонился в седле и поцеловал ей руку, потом развернул коня и поскакал к большой дороге, ведущей на юг. Щелкнув хлыстами, братья двинулись за ним следом, подняв шляпы и выкрикивая слова прощания. Мои сестры махали руками как заведенные, а моя невестка Елизавета сделала реверанс Энтони, и тот с достоинством отсалютовал поднятой рукой сначала ей, затем моей матери и мне. Лицо у Энтони было мрачное.

Но всего два дня спустя именно он первым написал мне письмо и послал с ним своего личного слугу, который чуть не загнал коня, несясь без передышки, словно безумный.

Сестра, ты победила, и я сердечно рад за тебя. Произошла жуткая ссора — прямо-таки настоящее землетрясение! — между королем и лордом Уориком. Милорд представил королю брачный договор, согласно которому тот должен жениться на принцессе Боне Савойской, как все и ожидали. Король положил